ИСТПАРТ
Комиссия по истории Октябрьской революции и Р. К. П. (большевиков)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Исторический журнал Истпарта

№ 8–9 (31–32)

Август—Сентябрь 1924 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДЕЛ I. — СТАТЬИ и ВОСПОМИНАНИЯ.

ОТДЕЛ II. — МАТЕРИАЛЫ и ДОКУМЕНТЫ.

ОТДЕЛ III. — БИБЛИОГРАФИЯ.

ОТДЕЛ IV. — МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ и СООБЩЕНИЯ.

ВОКРУГ ОРГАНОВ ИСТПАРТОВСКОЙ РАБОТЫ.

Иллюстрации:

Работа Р. С.-Д. Р. П. в Северо-Западном крае (1903—1913 г.г.)[1].

А. Вильно.

I. 1903 г.

Социал-демократическая работа в Северо-Западном крае началась—я не говорю здесь о «Бунде»—с 1901 г., когда в некоторых из городов края были основаны группы «Искры». Однако до 1903 г. эта работа не носила сколько-нибудь широкого характера, да и к тому же не во всех городах Северо-Западного края существовали группы «Искры».

В Вильно, напр., «искровцев», как организации, не было. «Бунд» вел, помимо своей узко-национальной социал-демократической работы среди еврейского пролетариата, также и работу среди христианских рабочих. Из недр «Бунда» вышли многие активные и влиятельные деятели Р. С. - Д. Р. П.

Виленская организация Р. С. - Д. Р. П. (или, как она была названа ее основателями «Виленская группа») возникла еще до выхода «Бунда» из Р. С. - Д. Р. П., т.-е. до второго с'езда.

Это было «самочинное действие» товарищей, расходившихся с «Бундом» в национальном вопросе и понимавших, что рамки «Бунда» слишком узки для успешной работы в широких, незатронутых партийно-революционной работой пролетарских массах Вильно.

---

[1]) Настоящий очерк составлен, главным образом, на основании устных сообщений ряда старых партийных работников. Наиболее ценные сведения даны мне нижеследующими товарищами: Крестинским Н. Н., Сольц Э., Соколовским, И. М. Роммом, М. И. Фрумкиным, Розовским С. З., Пальчиком А. Г., Юрдзиком и Крейнгель С. И.

И. Юренев.

Основателями «Виленской группы» были нижеследующие товарищи: 1) «Ревекка» (Э. А. Сольц), 2) «Сова» (Рульковский), 3) Павел Августович Грожан, 4) «Павел» (Г. Сиротский) (подробно о них см. приложение № 1. *И. Ю.*).

Эта группа товарищей, действуя на свой страх и риск, повела сепаратную от Бунда работу. Деятельность вновь образовавшейся с.-д. группы выходила далеко за пределы Вильно и распространялась на ряд губерний Северо-Западного края. Участие в группе тов. «Совы» обеспечивало ей широчайшие связи и крупное влияние в рабочих массах. После второго с'езда партии в Вильно приехал (прямо со с'езда) тов. Махлин («Илья»)—крупный партийный работник. (Пробыл он в Вильно очень недолго; вскоре «провалился» и был вынужден бежать.) Тов. Махлин сделал местной группе доклад о с'езде. Из доклада виленцы узнали о том, что Бунд ушел из единой с.-д. партии. Это обстоятельство упрочило политическую позицию группы и имело своим результатом длительную тяжелую борьбу с националистическим уклоном в рабочем движении, монопольным представителем коего в С.-З. крае до этого времени являлся Бунд.

Работа группы в 1903 г. заключалась в создании организационного аппарата, в «держании границы», транспортировании литературы, оказывании массы технических услуг Петербургу. Вильно было своего рода явочной квартирой для многих и многих организаций России.

II. 1904 г.

Работа группы начала развиваться широко лишь с 1904 г., когда в нее вошел ряд весьма крупных партийных работников. Это были: 1) «Павел» (Голубович), 2) «Антон» (Ив. Ив. Страшинский), 3) «Валентин» (Ник. Ник. Крестинский), 4) Гусаров, 5) «Яков» (Илья Максимович Ромм), 6) «Негоев» (Абрам Гуревич), 7) «Игорь» (Борис Исаакович Гольдман), 8) «Степан» (Борис Дмитриевич Вигилев), 9) «Фома» (Соломон Захарович Розовский), 10) «Семен Беспалый» (Борис Ильич Троцкий). (Более подробно об этих товарищах см. приложение № 2. *И. Ю.*)

Работа Виленской группы в 1904 г. выразилась, помимо агитации, пропаганды и организации рабочего класса, еще в оже-

сточенной борьбе с Бундом за влияние на еврейский пролетариат. Специально для борьбы с Бундом местная с.-д. группа вызвала из Петербурга известного специалиста по национальному вопросу и «бундоеда» Столпнера. Лето 1904 г. прошло под знаком отчаянных схваток с бундистами. Во время одной из таких дискуссий, состоявшейся в лесу, произошел провал. Собравшиеся были окружены казаками и полицией. Было взято около 30 человек—участников прений [1]).

Однако на работе группы этот провал отразился не слишком пагубно. Часть арестованных товарищей была вскоре освобождена и снова приняла участие в работе, а наиболее скомпрометированные (в том числе и «Валентин») уехали для работы в другие губернские города Северо-Западного края.

Виленская группа в 1904 г. состояла из следующих районов: 1) Ремесленно-городской (печатники, ремесленники), 2) Лукишский (кожевники), 3) Новгородский, или фабрично-заводской (шоколадная фабрика, швейные мастерские, табачная фабрика) и 4) Дольня.

Каждый район имел свой райком. Высшей законодательной инстанцией организации было собрание так называемой «периферии»; высшей исполнительной—«группа» (центр организации). «Периферия» состояла из членов районных комитетов, членов «группы» и наиболее ответственных работников. В нее входило примерно около 60 человек. Собиралась она довольно редко, при чем центр докладов на ней о своей работе в целом не давал; докладывали отдельные члены группы — организаторы, пропагандисты и т. д. о выполненной ими работе по заданиям организации.

Группа собиралась не менее двух раз в неделю. Встречи ее членов друг с другом были, конечно, очень часты и происходили на явочных квартирах. В то время группа уже имела свою печать. Строгого разделения функций между членами группы не было.

В 1904 г. в организации появились первые профессиональные революционеры. Условия подпольной работы и задачи, стоящие перед Р. С.-Д. Р. П. создали институт профессиональных подпольных работников.

[1]) В числе арестованных находились: Столпнер, «Семен Беспалый», «Степан», «Валентин», «Виктор», Яцкевич М. А. (жена «Антона»), Поля Иохвец, Давид Пружан, Саша Пахман и др.

В отношении фракционном Виленская группа не имела сколько-нибудь определенной физиономии. По свидетельству С. З. Розовского (приехавшего в 1904 г. в Вильно, со специальным заданием от большевистской части рижского комитета Р. С.-Д. Р. П. произвести раскол в организациях Северо-Западного края) — виленская «группа» была неоформлена, как в смысле своего влияния на массы, так и в смысле фракционном. Это была, по его словам, «болотная организация» [1]).

Под руководством группы протекала не только политическая, но и экономическая борьба виленского пролетариата. Из наиболее крупных стачек, проведенных ею в 1904 г., надо отметить всеобщую стачку кожевников, продолжавшуюся семь недель и закончившуюся победой рабочих. Видную роль в руководстве стачкой, на-ряду с «группой» играла и местная польская социал-демократия (в частности тов. «Стефан»).

В начале 1904 г. литературно-издательская деятельность группы была довольно скромна. Организация еще не имела настоящей типографии, и листки ее печатались на гектографе. Всей технической частью работы группы ведала «Ревекка»: ее деятельными помощниками в этой области были товарищи «Виктор» [2]) и Саша Пахман (студент-юрист).

Со второй половины года литературно-издательская работа «группы» достигла солидных размеров. Была организована вполне оборудованная нелегальная типография. Организатором ее была энергичная и неутомимая «Ревекка». В это время со стороны некоторых товарищей был выдвинут проект—поставить в целях конспирации типографию не в Вильно, а в Минске.

«Ревекка» и ряд других товарищей горой стояли за Вильно. «Группа» разрешила их спор воистину по-соломоновски: она дала «Ревекке» месячный срок для постановки типографии в Вильно; при чем было обусловлено, что, если в указанный срок типография поставлена не будет, то ее начнут ставить в другом городе.

[1]) Характеристика, данная тов. Розовским, подтверждается многими из товарищей, работавших в Северо-Западном крае, в частности тов. Роммом.

[2]) Настоящая фамилия «Виктора»—Юлий Григорьевич Пальчик—заграничный студент, потом инженер, меньшевик, работал в Вильно в 1905—1906 г.г., главным образом, в качестве пропагандиста. В 1907 г. отошел от движения.

Победила «Ревекка», сумевшая организовать типографию в назначенный срок. В типографии вплоть до 1907 г. работал Саша Струнин. Типография пережила все революционные события и в то время, как провал за провалом наносили удары общепартийной организации, техника работала все время без перебоев.

III. 1905 г.

1.

В начале 1905 г. «группа» с согласия Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. переименовалась в «Комитет». В течение 1905 г. в работе виленской организации Северо-Зап. края активное участие принимали, кроме «стариков», еще следующие товарищи: 1) «Минай», 2) «Саул», 3) «Мирон», 4) «Евгений», 5) «Хана», 6) «Алексей» 7) «Леон», 8) «Томаш», 9) «Андрей» и 10) Осип Минский (Бовшеверов Марк). (Подробно о них см. приложение № 3. *И. Ю.*)

В 1905 и 1906 г.г. организация была построена следующим образом. Первичной единицей ее была фабричная и заводская ячейка. Каждая фабрика или завод имели одного или несколько организаторов. На обязанности последних лежал созыв летучек, массовок, распространение литературы, руководство стачками и т. д. Участники ячейки фактически превращались в фабрично-заводский комитет. Представители ячеек составляли район (между прочим, районы не имели своей печати). От группы, а позже от комитета в район входил ответственный представитель.

В районах функционировали конференции представителей заводских групп. Созывались они очень часто. Время от времени для решения важнейших политических вопросов и выборов Комитета созывались, так называемые, межрайонные конференции; собиралась, как и в 1904 г., и «периферия».

В руководящей «группе», а позже в Комитете было семь человек. Группа выделяла из своего состава исполнительную трехчленную комиссию. Постоянным членом ее с ноября был «Минай», являвшийся ответственным организатором Виленского Комитета. После его от'езда из Вильно в Исполнительную Комиссию вошли «Томаш» и «Мирон».

Ответственными агитаторами из интеллигентов были: «Томаш», «Степан», «Валентин»; из рабочих—«Сова», «Павел» (Голубович)

и «Хана». Военной работой ведал «Антон». От Комитета в военный центр входил «Амвросий» [1]).

Каждый член Виленского Комитета имел свой район, который он обязывался обслуживать. Агитацией и пропагандой занимались очень многие члены организации, не только комитетчики, но и члены районов, а также массовики. Интерес к политическим и теоретическим вопросам у рабочей массы того времени был крайне велик.

На обыкновенных массовых собраниях разбирались вопросы диктатуры пролетариата и крестьянства, национальный вопрос, о меньшевиках и большевиках, их тактике. В большинстве кружков изучали историю революционного движения в России и на Западе, историю партии и национального вопроса.

Работа Виленского Комитета в 1905 г. развернулась очень широко. «Издательская» деятельность возросла невероятно. Типография выполняла не только «заказы» своего Комитета, но и других организаций (например, заказ польских с.-д. на перепечатку известных воззваний Гапона). При Комитете функционировали пропагандистская, организаторская, техническая группы.

Кроме того, при нем была еще и организация учащихся. До 1905 г. она была формально беспартийной. В нее входили наряду с с.-д. и некоторые социалисты-революционеры, как, напр., Виктор Подвицкий (позже член Ц. К. партии с.-р., работал в Сибири во время колчаковщины).

Из соц.-демократической молодежи надо отметить такого талантливого пропагандиста и агитатора, как Володя Брамсон, Давид Александров («Валентин»), Иосиф Занберг (работал позже в Двинске под кличкой «Игната»).

Только с 1905 г. внутри организации учащихся произошла размежевка, большинство ее образовало «Организацию учащихся при Виленском Комитете Р. С.-Д. Р. П.» (организации подобного типа существовали во всех крупнейших городах Северо-Зап. края); ведали учащимися вначале «Степан», потом «Валентин».

---

[1]) Настоящая фамилия неизвестна. Жил он в то время по паспорту на имя Куприянова. В Вильно приехал из Киева, где принимал участие в восстании сапер. По этому делу был заочно приговорен военным судом к смертной казни.

Начиная с января 1905 г., Виленская партийная организация жила крайне бурной, интенсивной жизнью. Непрерывно шли стачки за стачками. Летом была всеобщая стачка кожевников, поддержанная рабочими 15 предприятий. Руководил стачкою «Забастовочный Комитет», состоявший из: «Евгения», «Совы», «Павла», «Степана» (от Р. С. - Д. Р. П.) и «Багрова» (от Бунда). Стачка закончилась победой рабочих, добившихся 8-часового рабочего дня, согласия заводчиков на исключительное право проф. союза принимать и увольнять рабочих. Стачка проходила очень бурно. На ряде заводов рабочими были вывезены на тачках мастера и заведующие. Важнейшим результатом стачки была организация нелегального союза кожевников [1]).

Летом же (кажется, в июле) была довольно крупная стачка служащих государственных учреждений и банков. Окончилась она, как и стачка кожевников, успешно.

По мере роста массового движения перед местными партийными организациями стал крайне остро вопрос о необходимости об'единения революционных сил—создания единого руководящего движением центра. Таким центром явился «Об'единенный Комитет Бунда, Р. С.-Д. Р. П. и Соц.-Демократии Царства Польского и Литвы». Организован он был, кажется, в сентябре. Работа Комитета была непостоянной; состав членов довольно текучим. В Об'единенный Комитет первого, так сказать, созыва входили от Р. С. - Д. Р. П. т.т.: «Евгений», «Яков» (оба от Комитета) и «Борох» (от «периферии»). Бундовскими членами Об'единенного Комитета были: «Сергей»—Браун и еще несколько лиц; от П. С.-Д. входил Трусевич—«Залевский».

2.

В октябре произошла всеобщая стачка на железных дорогах. Как только виленские железнодорожники узнали об этом, они немедленно примкнули к ней.

В октябре движение в Вильно уже выходит на улицу. Бунд, Р. С. - Д. Р. П. и П. С. - Д. об'единенными усилиями организуют демонстрацию. Она вышла не очень многочисленной, всего около

[1]) Секретарем его — фактическим руководителем был тов. «Сова»; ему помогали «Степан» и «Евгений». «Степан» работал, главным образом, по части агитации и пропаганды; «Евгений» вел организационную работу.

2.000 человек; прошла лишь по Немецкой и Завальной улицам и была разогнана казаками. Однако впечатление, произведенное ею на рабочие и обывательские массы Вильно, было колоссальное.

Настроение как нелегальных организаций, так и рабочих масс революционизировалось с каждым днем. Когда Вильно узнало об октябрьской стачке в Петербурге, О. Комитетом немедленно была об'явлена первая всеобщая стачка, охватившая решительно все отрасли производства и торговли. Погасло электричество, закрылись магазины. Город замер.

Стачка продолжалась неделю. Закончилась, примерно, 20 октября, когда местные организации узнали о манифесте 17 октября. В эти дни Бунд и Р. С. - Д. Р. П. снова устроили демонстрацию на Завальной улице. Целый день по ней двигались сплошные толпы людей. Демонстрация состояла, главным образом, из ремесленников и приказчиков. Полиция энергично, но тщетно разгоняла демонстрантов.

Говоря о предоктябрьских и октябрьских событиях в Вильно, надо отметить, что особо активную роль в эти дни играли железнодорожники.

Когда было получено сообщение о всеобщей стачке в Петербурге и было решено призвать к тому же рабочих Вильно, местный Комитет командировал на собрание железнодорожников одного из своих наиболее талантливых агитаторов — тов. «Томаша».

На собрании (оно состоялось в Управлении Полесских жел. дорог) присутствовало около 2.000 человек. Председательствовал какой-то инженер. Первым говорил «Томаш», призывавший собравшихся присоединиться к стачке. В таком же духе выступал и Шрейдер, представитель Виленского Комитета партии социалистов-революционеров. После речей ораторов собрание единогласно решило бастовать и призвать по телеграфу к тому же всех железнодорожников Виленского узла. Было также решено избрать делегацию и послать ее для снятия с работ служащих правительственных учреждений Вильно. Это собрание имело решающее значение для всеобщей стачки в Вильно.

Нелегальные партии, координируя свои действия в области политических выступлений, об'единяли от случая к случаю также и свои технические боевые силы, т.-е. боевые дружины. Последние в октябрьско-ноябрьские дни об'единялись под руководством межпартийного штаба. Начальником его был бундовец — Д. Деве-

нишский (сын мясоторговца, поэт, убитый поляками во время оккупации). Он пользовался в городе большой популярностью. Полушутя, полусерьезно его называли «Виленским генерал-губернатором».

Легальным штабом всех местных партийных организаций было помещение, так называемого «Городского Клуба для лиц интеллигентных профессий»; помещался он на Георгиевском проспекте.

Виленские профсоюзы и партии имели свою базу в этом клубе. В зале его в октябрьские и послеоктябрьские дни шли непрерывные, грандиозные митинги. Местные революционные организации явочным порядком осуществляли право свободы собраний.

Как курьез, надо отметить, что партийные организации обнаружили по отношению к местным властям своего рода «корректность»: они через особую делегацию предупредили военного генерал-губернатора о том, что отныне ими утверждена свобода собраний.

Власти готовились к бою. Они мобилизовали все наличные военные силы—что-то около одной пехотной дивизии. Однако настроение солдат было шатким. Фактически в эти дни в Вильно установилась власть Об'единенного Комитета.

Первый открытый общегородской митинг в Вильно состоялся в железнодорожном клубе, что на Георгиевском проспекте (во время войны между Советской Россией и Польшей в этом здании находился штаб наших войск). На митинге присутствовало около 6 тысяч человек—рабочих, служащих и интеллигенции. Несколько тысяч человек, не попавших в зал, митинговали на улице, возле дома. От Р. С. - Д. Р. П. выступали «Степан» и «Томаш».

Здание клуба и митинговавшие вне его были оцеплены войсками. Однако последние держались нейтрально и ограничивались ролью наблюдателей. По окончании митинга по постановлению Об'единенного Комитета должна была состояться политическая демонстрация, а посему участники его, с пением революционных песен, направились по Георгиевскому проспекту, где на углу Виленской улицы соединились с участниками закончившегося к этому времени митинга железнодорожников (состоялся, кажется, в «Клубе интеллигентов»).

Дальнейший путь об'единившимся демонстрантам был прегражден войсками. После некоторых пререканий последние совершенно неожиданно для демонстрантов открыли по ним стрельбу залпами. Несколько человек было убито, десять ранено.

Вечером в «Клубе интеллигентов» состоялся митинг протеста. В то же время и в том же клубе заседал Об'единенный Комитет. В порядке дня стоял вопрос об организации похорон жертв расстрела.

На следующий день грандиозная похоронная манифестация собралась у еврейского госпиталя (на Завальной). Присутствовало около шестидесяти тысяч человек. Было очень много интеллигенции. Власти мобилизовали войска; по городу двигались сильные пешие и конные патрули. Однако на этот раз обошлось без столкновений.

После долгих переговоров делегации демонстрантов с властями, войска были убраны. Процессия спокойно направилась на еврейское кладбище (в Заречье). Несмотря на попытки провокаторов сорвать манифестацию (с этой целью были сделаны два выстрела), порядок был сохранен. Руководил демонстрацией начальник штаба боевых дружин, уже упоминавшийся мною Девенишский.

На кладбище выступали представители всех партий [1]). От имени беспартийной интеллигенции говорил какой-то инженер, преклонявшийся «перед величием рабочего класса».

На другой день состоялись новые похороны (умерли двое из раненых). Похороны прошли так же торжественно, как и накануне. На этот раз войска были очень корректны и даже не делали попыток чинить препятствия манифестации.

На следующий день в городе получилось известие о манифесте 17 октября и о назначении Витте премьером.

Интеллигенция ликовала, доказывала представителям нелегальных организаций, что народом одержана «полная победа» и предлагала прекратить стачку.

Однако Об'единенный Комитет решил «бороться до конца» и продолжал митинговую кампанию. В «Городском зале» снова состоялся митинг Р. С. - Д. Р. П., на котором присутствовало несколько тысяч рабочих, главным образом, кожевников. От Комитета выступал «Томаш».

---

[1]) От Р. С.-Д. Р. П. говорили «Томаш», «Павел» (Голубович) и «Михаил»; от Бунда — «Сергей».

«Степан», освобожденный из тюрьмы, внес в Комитет предложение пойти к тюрьмам и силой освободить арестованных. Масса подхватила это предложение, и Об'единенному Комитету, который был против подобного акта, лишь с большим трудом удалось удержать рабочих от штурма тюрем. Стачка продолжалась еще два дня.

3.

Партийная организация росла вширь с невероятной быстротой; на всех предприятиях создавались ячейки, кружки. Установить точно число ее членов в послеоктябрьские дни нельзя. Некоторые товарищи говорят, что их было около 2.000 человек; другие—около 1.000.

В районах шли открытые заседания, велись дискуссии о дальнейшей тактике соц.-демократии. Меньшевики предлагали организовать по примеру Петербурга—Виленский Совет Рабочих Депутатов.

Однако комитет, голосами большевиков и «болота», высказался против предложения меньшевиков. Его аргументы сводились к тому, что Совет в Вильно не нужен, ибо партии слишком сильны. По мнению тов. Соколовского («Томаш»), большевики Виленского Комитета занимали такую позицию из опасений перед «бундовской опасностью». Надо отметить, что и другие революционные партии были также против меньшевистского проекта. В организации сторонниками его были «Томаш» и группа еврейских рабочих-ремесленников.

На-ряду с усилением парт. работы Комитет вплотную занялся организацией профессиональных союзов.

В эту сторону направили свои усилия и прочие революционные партии.

Литовская соц.-демократия, имевшая значительные связи среди рабочих-кожевников, пыталась организовать там партийный профессиональный союз и вела в этом смысле энергичную агитацию. Такое же намерение было и у Виленского Комитета. Бунд стоял тоже на точке зрения «партийности союзов».

Когда Виленский Комитет Р. С.-Д. Р. П. узнал, что «литовцы» ведут агитацию за партийные профсоюзы, то—по предложению «Степана»—выдвинул лозунг «беспартийности» и повел в этом смысле самую широкую агитацию. Активно работали по союзной

линии т.т. «Валентин», «Павел» (Голубович) и «Сова». Позже из питерских газет Виленский Комитет узнал о том, что партийные центры ведут ту же линию в вопросе о профсоюзах, что и он.

Комитетом решено было созвать общегородское собрание кожевников и на нем поставить вопрос об организации профсоюза и о том, какой характер он должен носить—партийный, как того хотели литовские соц.-демократы, или беспартийный, как это предлагал Виленский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

На вышеуказанном собрании представителями Комитета были «Томаш», «Степан», «Сова» и «Андрей»; от лит. с.-д. выступали Беренчик, старый подпольный работник, работавший под кличкой «Александр» и другие видные члены Ц. К. Л. С.-Д.

Собрание весьма единодушно постановило организовать профессиональный союз. Бой начался лишь тогда, когда встал вопрос о характере профсоюза. После долгих прений было принято предложение Виленского Комитета Р. С.-Д. Р. П. Тогда литовцы решили сорвать собрание и предложили своим сторонникам покинуть заседание.

Здесь надо сказать, что из присутствовавших на собрании (примерно, тысячи) кожевников, четыреста человек принадлежали к Р. С.-Д. Р. П., сто двадцать—к литовской соц.-дем. и только шестьдесят—к Бунду.

Арон Сольц («Андрей»), учитывая, что с представителями Л. С.-Д. уйдут с собрания лишь немногие рабочие, предложил считать собрание сорванным, и тут же открыть свое социал-демократическое. После этого остроумного трюка все пошло крайне гладко. Союз был организован. В правление вошли кандидаты Виленского Комитета; председателем правления был избран «Сова». Несколько позже вошли в союз и литовцы. Союз продержался до 1908 г., когда был разбит локаутом кожевенных заводчиков. Руководил союзом все эти годы все тот же «Сова». Союз сумел поставить себя весьма авторитетно и добился очень значительных уступок от общества заводчиков.

Созданный в противовес нашему союзу, так называемый союз «Святого Иосифа», об'единявший самые несознательные элементы кожевников, успеха не имел.

Профсоюзная работа Комитета Р. С.-Д. Р. П. распространилась на всю рабочую массу г. Вильно. В профсоюзах шла оже-

сточенная борьба между Виленским Комитетом Р. С.-Д. Р. П. и комитетом Бунда. В общем последний был значительно сильнее Р. С.-Д. Р. П. Однако в некоторых союзах Виленский Комитет все же имел большинство.

4.

Кроме Бунда и Р. С.-Д. Р. П., в Вильно работали еще следующие партии: Литовская социал-демократия, с.-д. Польши и Литвы, Польская социалистическая партия (лидерами ее были Крушевский и Рымкевич; последний сейчас член Р. К. П.), партия социалистов-революционеров, Поалей-Цион и анархисты.

С последними Виленский Комитет вел непримиримую борьбу. Дело в том, что анархисты своей проповедью террора и экспроприации дезорганизовали рабочую массу. Отношения между с.-д. и анархистами были крайне обострены, последние неоднократно угрожали нашим работникам террором.

Самой сильной организацией в Вильно был Бунд; следом за ним шла Р. С.-Д. Р. П. До октября Бунд подавлял социал-демократическую организацию своим авторитетом в рабочих массах. Отношения между бундовцами и с.-д. были все время крайне обострены; иногда во время дискуссий страсти настолько разгорались, что спорщики от слов переходили к «делу» и между ними происходила изрядная потасовка. Бунд считал деятельность Р. С.-Д. Р. П. дезорганизаторской и вел против нее ожесточенную борьбу. Под'ем революционного движения и участие в борьбе рабочих христиан и евреев, сблизив их между собою, оказали благотворное влияние и на отношения между верхушками обеих организаций.

Авторитет Р. С.-Д. Р. П. в результате революционных событий 1905 года неслыханно увеличился. Центры движения—Петербург и Москва—возглавлялись Р. С.-Д. Р. П. Это импонировало Бунду, деятельность которого на фоне грандиозных всероссийских событий приобретала второстепенное, так сказать, местное, значение.

Узкие рамки еврейского ремесленного пролетариата ставили Бунду непреодолимую преграду к дальнейшему развитию. Бунд взял из еврейской рабочей массы почти все, что мог взять; он, если позволено будет так выразиться, задыхался.

В то же самое время перед Р. С.-Д. Р. П. были широчайшие, необ'ятные перспективы и возможности. Христианский пролетариат и армия были теми колоссальными резервами, из коих наша партия черпала себе все новые и новые кадры приверженцев.

Ведя работу среди рабочих всех национальностей, Р. С.-Д Р. П. естественно должна была раньше или позже обогнать Бунд. Митинги, созываемые Виленским Комитетом Р. С.-Д. Р. П., были многочисленнее бундовских.

В 1905 г. в Вильно и во всем Северо-Западном крае функционировали так называемые «партийные биржи». Они удовлетворяли потребность рабочих и ремесленников, распыленных по мелким мастерским и фабричкам, в общении друг с другом. Виленский Комитет имел две «биржи» [1]), одну на Лукишках (главный контингент ее посетителей составляли рабочие кожевенных заводов), другую — на Завальной улице. Там собирались ремесленники, приказчики и рабочие предприятий, расположенных в центре города. На Завальной же улице была центральная «биржа» Бунда.

5.

В ноябре в Польше было введено военное положение. Петербургский Совет Рабочих Депутатов об'явил в виде протеста против этого всеобщую политическую забастовку. Прошла она, однако, уже далеко не так успешно, как первая (октябрьская). В массах чувствовалась усталость, и некоторое — особенно у железнодорожников — расслоение.

Виленский Комитет, следуя примеру Петербургского Совета, призвал рабочих к стачке. Естественно, что первой заботой Комитета было провести стачку среди служащих и рабочих Виленского жел.-дор. узла. Как и в октябре, в Управлении Полесских железных дорог было созвано собрание железнодорожников. Выступал на нем «Томаш». На этот раз ему пришлось натолкнуться на серьезное организованное препятствие со стороны членов «Союза русского народа».

Реакция не дремала и мобилизовала все свои силы. Революционного единодушия, коим было отмечено собрание железнодорожников в октябре, на этот раз не оказалось. Среди собравшихся

[1]) О партийных биржах см. статью того же автора в «Прол. Рев.», № 12, стр. 132. *Прим. ред.*

возникли большие разногласия. Собрание было почти сорвано, и в результате ноябрьская забастовка виленских железнодорожников носила лишь частичный характер.

В декабре Об'единенным Комитетом была проведена всеобщая стачка протеста против разгрома Московского восстания. Стачка прошла очень успешно. В Об'единенный Комитет в это время входили от Р. С.-Д. Р. П.—«Минай» и «Саул»; от Бунда—«Юлий» (Владимир Осипович Ленский) и Хая — работница.

При обсуждении вопроса о прекращении декабрьской стачки между представителями виленского комитета Р. С.-Д. Р. П. обнаружилось разномыслие. «Минай» был за продолжение стачки, «Саул» за ее прекращение. Бундовская делегация в Об'единенном Комитете была тоже за прекращение стачки. «Минай» остался в единственном числе; стачку было решено прекратить.

Всеми уже чувствовалось наступление реакции и близость переломного момента в борьбе с самодержавием. На улицах Вильно стали все чаще происходить столкновения боевиков с офицерами и полицией. Виленский гарнизон был усилен «надежными» частями. Власти решили дать местной революции генеральный бой и ждали подходящего момента. Этот момент скоро явился.

В половине декабря Виленским Комитетом был назначен митинг в цирке, что на Лукишках. В «городском зале» в тот же день был созван митинг Бунда. На митинге в цирке собралось несколько тысяч человек. Председателем митинга был предложен от имени Комитета тов. «Минай». В качестве ораторов были посланы тов. «Томаш» и «Степан». Многие из собравшихся пришли с оружием. Извне боевая дружина охраняла цирк, окружив его своими патрулями.

Едва начался митинг, как цирк был окружен сборными частями войск Виленского гарнизона. Среди солдат было очень много пьяных. Боевая дружина, охранявшая митинг, бежала, как в то время зло шутили по ее адресу, «в горы». Большая часть собравшихся успела бежать.

В тот же день состоялось экстренное заседание Виленского Комитета. На нем присутствовали Клопов (от военной организации), «Степан», «Минай», «Томаш», «Яков», «Саул», «Хана», «Андрей». «Степан» предложил Комитету принять решение состоявшейся накануне межрайонной конференции. Проект конференции был очень оригинален и сводился к тому, что «Степан» с группою боевиков должен забаррикадироваться в Городском доме и оттуда начать перестрелку с войсками и полицией. В это время «масса» и боевая дружина должны были поднять восстание и начать постройку баррикад. В проекте «Степана» было мало трезвого учета реального соотношения сил реакции и революции, зато много революционного пыла и фантазии.

Против предложения «Степана» решительно высказался «Минай». Его мотивы сводились в основном к тому, что 1) революционное напряжение налицо лишь у членов партийных организаций и 2) масса далека от активности, она не громила участков, не разоружала городовых.

«Поэтому,—говорил «Минай»,—наше выступление будет изолированным и его неизбежно раздавят».

Представитель военной организации Клопов, как и «Минай», отнесся отрицательно к проекту «Степана». Клопов «с военной точки зрения» доказывал, что проект не реален, что боевые дружины не справятся с войсками. Предложение «Степана» после долгих прений отклонили и порешили «выждать событий».

В тот же день в Областной Комитет явилась специальная делегация от Сморгоньской группы и предложила поднять в ее уезде восстание рабочих и крестьян. Однако Комитет отклонил предложение воинственных сморгоньцев и снова решил ждать. Решающее влияние на настроение Комитета оказал, по мнению тов. Томаша, плехановский «Дневник».

На следующий день в городе было об'явлено военное положение. Реакция победила.

6.

Я уже указывал, что манифест 17 октября имел своим последствием расслоение «национально-освободительного» движения на революционно-демократическую струю и либерально-оппортунистическую.

Уже в конце октября местное отделение кадетской партии проявило довольно значительную активность и устроило свой митинг. Последний состоялся в клубе интеллигентов. Виленский комитет намеревался сорвать это собрание и готовил в этих целях небольшую демонстрацию. Однако устроители митинга узнали об этом и обратились к помощи властей. Последние пошли на-

встречу и направили к клубу интеллигентов значительные силы полиции и солдат. Пропускали на митинг только по билетам и «чистую публику». Конечно, при таких условиях наши товарищи не могли прорваться в помещение скопом. Удалось это сделать только «Степану» и «Минаю». «Степан» произнес горячую речь на тему о «тех, кто под охраною штыков прячется от народа». Произошел большой скандал, в результате собрание было распущено. Цели своей наши товарищи, таким образом, достигли.

Здесь я отмечу еще один факт, ярко характеризующий эпоху бегства власти и торжества революции. Я имею в виду октябрьское заседание виленской городской думы с участием официальных представителей всех местных революционных организаций. Поводом к этому собранию послужили распространившиеся в городе слухи о предстоящем еврейском погроме, причем говорилось, что к громилам примкнут и войска. Эти слухи возникли на почве следующего факта. В октябре группа местных анархистов произвела террористический акт против высших полицейских чиновников Вильно. Покушение было совершено у входа в дом губернатора. Брошенной бомбой был убит пристав, полицеймейстер Климович (впоследствии директор департамента полиции) и несколько приставов тяжело ранены.

На заседание городской думы были приглашены и анархисты, но они — по вполне понятным причинам — не явились. От Виленского комитета Р. С.-Д. Р. П. были: «Евгений» и «Валентин»; от Бунда — «Сергей» (Браун; в 1921 г. был арестован в Латвии и присужден к смертной казни) и «Юлий» (Ленский, ныне член Р. К. П.); от с.-д. Польши и Литвы был М. Ю. Козловский. Собрание не дало никаких реальных результатов.

IV. 1906 год.

1.

Конец 1905 г. был переломным моментом в развитии революционного движения в России. Начиная с 1906 г., движение идет под гору. Партия и ее организации слабеют. Новые работники в подполье не приходят, старые частью провалились и были вынуждены скрываться, частью эмигрировали за границу и еще хуже того — отошли от работы.

В 1906 г. Виленская организация все еще продолжала вести интенсивую работу среди местного пролетариата. Был дан лозунг

«углубления работы», перехода от агитации времен апогея октябрьской революции к кружковщине, серьезной подготовке руководящих элементов партии.

Пропагандистская работа в этом году лежала, главным образом, на «Степане» и «Томаше». Из политических кампаний в начале 1916 года надо отметить стачку протеста против созыва I Государственной Думы.

Весною были произведены организации выборов на Стокгольмский партийный с'езд. Выборы производились по платформам — путем референдума. Победили меньшевики. Так, например, прошел на с'езд «Степан» и был забаллотирован конкурировавший с ним «Минай».

В Виленский Комитет до половины лета входили: 1) «Евгений», 2) «Сова», 3) «Хана», 4) «Саул», 5) «Андрей», 6) «Яков» и 7) «Негоев». В июле уехали крупнейшие организаторы Виленского Комитета тов. «Минай» и «Андрей». Вообще же к осени из рядов Виленской организации выбыли почти все наиболее видные работники. Провалы летом 1906 года приняли систематический и угрожающий характер. Подозревалась крупная провокация [1]).

2.

Издательская деятельность Комитета продолжалась весьма успешно. Выходили «Валька Роботнича» и «Виленский Пролетарий». Редакция «Вальки Роботничей» состояла из: 1) Ольги Исаковны Гольдман (курсистка, большевичка, сейчас вне партии). 2) «Томаша» и 3) «Якова».

Продолжала выходить также «Солдатская Памятка». В состав ее редакции входили: Клопов, «Антон» и Платон Иванович Паевский (настоящая фамилия, офицер, сотрудник прогрессивной газеты «Северо-Западный Голос»). Руководителем редакции был официальный представитель Областного Северо-западного Комитета — тов. «Томаш».

Хранением и распространением литературы ведала после от'езда Ревекки (лето) молодая партийная работница Софья Иса-

---

[1]) В описываемое мною время я лично встречался с «Алексеем», «Саулом», «Негоевым», «Ханой» и «Томашем».

ковна Крейнгель. Ей помогали в этом деле тов. Семен Диманштейн, привлеченный к работе по технике из организации учащихся, и Гриша Фонарев. Склад литературы находился у сапожника Абрама, на квартире коего (Вилькомирская улица) до лета 1906 г. помещалась типография Комитета.

Литература доставлялась на склад Соней, получавшей ее на промежуточной квартире (Литературный переулок, помещение легальной типографии), куда ее приносил товариц, работавший в качестве прислуги. Со склада литература отправлялась по районам, а оттуда по фабрикам и заводам.

Распространялась литература также и по области, при чем Областной Комитет имел своих раз'ездных агентов — распространителей. В их числе были вышеупомянутые товарищи Диманштейн, Гриша Фонарев и ряд других лиц. Местные организации также посылали своих представителей в Виленский Комитет за литературой. Я помню, что летом от нас из Двинска ездила в Вильно за нелегальщиной тов. Анна Ивановна Войтик и другие.

Типографией ведал тов. Саша Пахман. С августа 1906 года после ухода с работы Негоева ведение всей техникой перешло в руки тов. Ревекки Кац (интеллигентка, меньшевичка, была членом Р. К. П., умерла в 1922 году).

3.

В 1906 году, вскоре после Об'единительного Стокгольмского с'езда, в Вильно и других городах началась кампания по об'единению с Бундом и с.-д. Польши и Литвы.

Фактически еще до октябрьских дней 1905 года почти во всех городах Северо-Западного края были созданы так называемые Об'единенные Комитеты Р. С.-Д. Р. П. и Бунда, руководившие массовыми выступлениями. В Вильно и Ковно в Об'единенные Комитеты входила еще и соц.-демократическая партия царства Польского и Литвы.

Об'единение с Бундом являлось по существу механическим. Правда, в ряде организаций были созданы так называемые общегородские комитеты и коллективы Бунда и Р. С.-Д. Р. П.; однако они оказались нежизнеспособными и, постепенно хирея, сошли на-нет.

Об'единения в низах, на фабриках, заводах и мастерских не было. Партикуляристические стремления Бунда не были преодолены. Правда, на фабриках и заводах время от времени создавались об'единенные — на паритетных началах — стачечные комитеты. Об'единение с польской с.-д. было полным. Виленская организация Р. С.-Д. Р. П. получила от поляков около 150 членов организации. В Виленский Комитет были введены лидеры п. с.-д. Багинский и «Ксендз» (Гайковский), оказавшийся впоследствии провокатором.

Я уже упоминал выше о том, что лето 1906 года прошло под знаком частых и крупных провалов. Наиболее значительный провал, нанесший Виленскому Комитету непоправимый удар, был сентябрьский арест об'единенного заседания Виленского Комитета и Северо-Западного Областного. Собрание происходило на квартире у тов. Павла Голубева (Хивинская улица, на так называемом «Военном поле»).

Собрание было провалено вышеупомянутым «Ксендзом». Были арестованы «Евгений», «Степан», «Негоев», «Хана», «Осип», «Амвросий», «Маркевич» (польский с.-д.), «Скворцов» и др.

Дом был окружен полицией, вооруженной винтовками. В комнату, где происходило заседание, ворвались городовые с приставом во главе. Около каждого из участников заседания было поставлено по городовому. Около «Степана», как наиболее «популярного» у местных охранных властей, — пара. Собравшиеся успели уничтожить изобличающие их материалы. Полиция лишь захватила письмо «Степана», подписанное им в качестве члена Северо-Западного Комитета.

Арестованные отделались административной ссылкой. «Хана» получила 5 лет Восточной Сибири. Что касается «Степана», то он, переодевшись, бежал из полицейского участка. Таланты «Степана», как бегуна, были известны очень хорошо виленской полиции. Явившийся на арест пристав заявил «Степану» весьма обиженным тоном: «А я из-за вас, г. Вигилев, просидел на гаупвахте целую неделю» («Степан» как-то бежал из его участка).

Неукротимый «Степан», вместо всякого сочувствия к пострадавшему приставу, ответил ему дерзко и самоуверенно: «Ну и снова посидите». История умалчивает, посидел ли на этот раз пристав или нет, но «Степан» исполнил свою угрозу и вновь бежал из участка.

V. 1907 год.

Организация значительно ослабела, и к концу 1907 года от ее былой мощи почти ничего не осталось. Из наиболее крупных моментов ее жизни в 1907 г. надо отметить избирательную кампанию во II Государственную Думу.

«Бунд», Виленский Комитет Р. С.-Д. Р. П. и Белорусская «Громада» блокировались во время выборов. Они вошли в соглашение с кадетами, кои обязались провести, на-ряду со своими людьми, также и «Сову». Однако блок сорвался вследствие измены крестьян, часть коих под влиянием ксендзов, голосовала за помещиков.

Бунд выдвигал по городу Рафеса; Виленский Комитет Р. С.-Д. Р. П. — М. Козловского. Споры из-за кандидата между организациями настолько обострились, что были перенесены в Ц. К.

Вопрос о кандидатуре был общегородской конференцией Бунда и Р. С.-Д. Р. П. окончательно решен. От нас выступали на ней «Павел» (Голубович), «Томаш» и «Мирон» (Исаак Абелин). Большинством голосов общегородская конференция решила выдвинуть кандидатуру бундовца Рафеса. Однако провести его все же не удалось, и блок провалился.

Активно работали в 1907 г. в Виленском Комитете главным образом «Томаш» и «Ларисса» (жена «Осипа» — Большеверова). Осенью этого же года в организации произошел новый крупный провал. Был взят ряд работников.

Комитетская техника продолжала работать. «Солдатская Памятка» выходила, но уже неаккуратно. (Она выходила тетрадками в 4, иногда в 2 страницы.) Продолжала выходить и «Валька Роботнича» (редактировал ее «Томаш»).

Выборы на Лондонский с'езд были произведены всеобщим голосованием. Избранным оказался «Томаш», но от поездки на с'езд он уклонился, и таким образом Вильно на Лондонском с'езде не было представлено.

Связь местной организации с партийным центром поддерживалась довольно прочно. Нелегальную литературу от Центрального Комитета Виленский Комитет получал через Страховое Общество «Россия». К 1 мая был издан, как и в прежние годы, традиционный листок в очень большом количестве экземпляров. Майская стачка прошла слабо. Настроение у рабочих было вялое. Загородные массовки в лесах прошли без прежнего под'ема. Чувствовалось наступление реакции. Ряды организации таяли. В конце года из Вильно уехал «Томаш», весною — «Ларисса» и освобожденный из тюрьмы «Осип».

VI. 1912 — 1913 г.г.

С наступлением общероссийской реакции партийные организации Северо-Западного края распадались одна за другой и ко времени 1912 г. влачили во всем крае жалкое существование.

О периоде упадка партийной работы у меня, к сожалению, нет, пока что, сколько-нибудь полных сведений. Во всяком случае отдельные связи и группы существовали, в частности — в 1912 г. в Вильно была группа в составе всего-навсего 4 товарищей (в их числе Саша Струнин).

В 1912 г. в Вильно приехал т. «Томаш», высланный из Варшавы. Виленского Комитета уже не было, не говоря об Северо-Западном Областном, который окончательно прекратил свое существование после мартовской областной конференции 1908 г. Военная организация и боевая не существовали. «Томаш» по приезде связался с вышеуказанной четверкой.

В середине лета группа пополнилась товарищами, вернувшимися из ссылки. Эти резервы состояли из Тышкевича (рабочий-слесарь), Яновского, Колпаса (рабочий паровой мельницы), «Павла» (Голубович) и Малиновского (рабочий-столяр). Приехавшими товарищами были установлены связи с группой «Ведзы Роботничой» (Левица п. п. с.). На совещании наших товарищей с группой «Ведзы» при участии нескольких старых рабочих-кожевников был избран Виленский Комитет Р. С.-Д. Р. П. В него вошли: 1) «Томаш», 2) «Павел», 3) «Ян», — Тышкевич, 4) Богинский, 5) Доманский и 6) «Ревекка» (Кац).

Комитет повел довольно широкую работу в массах. Была пущена в ход нелегальная типография, благополучно сохранившаяся со времени расцвета социал-демократической организации в Вильно. Комитет издал ряд листовок к рабочим, устраивал массовки. С финансовой стороны положение организации было довольно приличное.

Комитет, за исключением пролетарской части его («Павел» и «Ян»), был меньшевистским. В соответствии с этим им был отправлен делегат на Венское «августовское совещание» меньшевиков и национальных организаций в 1912 г. Комитетом был делегирован «Павел»; однако он не доехал до Вены (был арестован по дороге в Белостоке). Его заменил «Ян» (большевик), которому удалось благополучно добраться до Вены.

Комитет, продолжая работу, принял довольно активное участие в избирательной кампании в IV Госуд. Думу. Во время выборов он блокировался с Литовской социал-демократией, кандидатом от Вильно был выставлен рабочий, член литовской с.-д. Однако накануне выборов Виленский Комитет Р. С.-Д. Р. П. и Комитет Л. С.-Д. были разгромлены арестами. Как вскоре выяснилось, — обе организации были провалены упоминавшимся мною выше Колпасом (он исчез после провала). Все арестованные отделались административной ссылкой — кто в Архангельск, кто в Астраханскую губернию, сроком на 3 года.

Вскоре после провала работа в Вильно снова началась. На смену выбывшим товарищам вступил вернувшийся из ссылки тов. «Сова», который вместе с избегнувшими ареста тов. «Ревеккой» и Богинским воссоздавали партийный аппарат. Дальнейших сведений о парт. работе в Вильно у меня нет.

Б. Окружная организация при Виленском Комитете Р. С.-Д. Р. П.

В задачи окружной организации входила работа среди крестьянства и руководство партийной работой в ряде уездных городов и местечек.

Окружка была создана во второй половине 1905 г. В сферу ее влияния входили: 1) Сморгонь. Тамошняя партийная организация имела несколько сот членов и была едва ли не самой сильной после Вильно. Она имела крупные связи с крестьянством; 2) Ошмяны. Довольно значительная организация, ведшая работу среди местных рабочих кожевенных заводов и еврейских ремесленников; 3) Свенцяны. Партийная группа вела здесь работу среди железнодорожников и ремесленников; 4) Подбродье, там имелась значительная крестьянская группа. Наезжал туда в числе партийных работников и тов. «Томаш»;

5) Ораны. Имелась небольшая партийная организация и 7) Лида. Местная организация вела работу среди железнодорожников и рабочих табачных фабрик.

Центр, или как он назывался, Комитет окружной организации находился в Вильно. Время от времени им созывались конференции, обсуждавшие как политические, так и практические деловые вопросы местного значения. Окружный Комитет избирался на конференции.

Руководителем Окружки был видный партийный работник «Кирилл» (М. С. Бинасик). Ближайшим его сотрудником являлся «Мефодий» (Шаповалов). (Подробно о работниках окружки см. приложение № 4. *И. Ю.*)

Окружная организация вела широкую агитационно-организационную работу. Предел ей был положен арестами: в июле 1906 года произошел провал участников Окружной конференции; сама конференция закончилась благополучно, кое-кто из участников ее даже уехал, однако большинство работников округа было захвачено с изобличающими их преступную деятельность материалами.

На собрании были арестованы следующие товарищи: 1) Мария Витт, 2) Надежда Ползик (жена «Кирилла»), 3) студент Иосельсон, 4) Левин (делегат от Сморгони — рабочий-кожевник, 5) Мефодий и 6) Григорий Луганский (кожевник, делегат Ошмянской организации). Арестованные товарищи судились Виленской Судебной Палатой. Мефодий получил два года крепости; Левин — один год; Иосельсон и Луганский — ссылку на поселение.

К концу 1906 года Окружная организация уже еле влачила свое существование.

В. Боевая работа в г. Вильно.

1.

Боевая работа возникла примерно с начала 1905 г. Базой боевых организаций явились дружины так называемой «самообороны». Погромная агитация черносотенцев дала толчок к этой работе вначале среди еврейских пролетариев, а потом и среди рабочих-христиан.

Оружие «самообороны», а впоследствии боевых дружин состояло из револьверов самых разнообразных систем, начиная от полицейских смит-вессонов, весивших несколько фунтов и называвшихся «пушками», и кончая новенькими браунингами.

Кроме того, имелись ножи, кинжалы, кастеты и очень мало ручных гранат. К весне 1905 г. почти во всех наиболее значительных городах и местечках Северо-Западного края уже существовали боевые организации революционных партий или, как они назывались в то время, «боевые дружины».

Сильным толчком к созданию, вернее — к укреплению боевой организации Виленской группы Р. С.-Д. Р. П. явилось избиение, устроенное полицией и казаками во время майской 1905 года демонстрации. Увлечение рабочих самовооружением после этого случая достигло необычайной силы.

Сборы на оружие проходили весьма успешно. На митингах, массовках жертвовали на оружие больше, чем на литературу. Работа дружины заключалась в охране манифестаций, организации побегов из тюрем, в захвате легальных типографий, в коих под защитой боевиков «штатские» партийцы печатали прокламации.

В организационном отношении дружина была построена следующим образом: основной единицей ее был «десяток», возглавляемый начальником-десятником. «Десятки» сводились в сотню.

Во главе всей дружины стояло одно лицо по назначению партийной организации. Работа боевой дружины была строго конспиративна. Среди дружинников значительная часть была профессионалами-боевиками.

Широко работа боевой дружины Виленского Комитета развернулась в пред-октябрьские, октябрьские и после-октябрьские дни 1905 г. Начиная с октября дружина с.-д. была об'единена с дружиной «Бунда» единым командованием. Во главе об'единенной дружины в 1905 году стоял Девенишский.

В конце ноября или в начале декабря 1905 года, когда реакция начала наступление, и опасность еврейских погромов стала вполне реальной, местная еврейская буржуазия, а отчасти и русская сделали попытку создать единый боевой фронт с нелегальными революционными организациями.

По инициативе некоторых «общественных деятелей» на квартире банкира Ароновского состоялось совещание буржуазной общественности с представителями нелегальных организаций. В числе последних были: от Р. С.-Д. Р. П. «Евгений»; от Бунда «Ленский» («Юлий»). «Общественность» предоставляла нелегальным организациям оружие и деньги. Взамен этого она требовала, чтобы партийные комитеты дали обязательство: «не итти дальше демократии и не вводить социализма». Конечно, из таких разговоров общественных деятелей с комитетчиками ничего не вышло.

Между прочим, надо отметить, что местная буржуазия имела боевые организации, так называемую «самооборону». Членами этой самообороны были по преимуществу интеллигенты, лавочники, приказчики.

Из наиболее эффектных действий боевой дружины Виленского Комитета Р. С.-Д. Р. П. надо отметить освобождение — летом 1906 г. — одного латышского соц.-демократа, уже присужденного военным судом к расстрелу.

Осужденный (фамилию его мне узнать не удалось) симулировал сумасшествие и был по распоряжению властей помещен «на испытание» в виленскую психиатрическую лечебницу (так называемая больница «Святого Якова»).

Местная партийная организация имела в этой больнице своих людей («Маня», «Крамер»). Это обстоятельство сильно облегчило работу боевой дружины. Организатором побега был «Саул». Боевики перерезали телефонные провода, соединяющие больницу с городом, ворвались в помещение, перевязали охрану и больничных служителей и освободили мнимо-больного. По освобождении он был усажен в ожидавшую его на реке лодку (больница помещалась на берегу реки Вилии) и увезен в надежное место, откуда, выдержав «карантин», благополучно скрылся за границу. Старания охранки раскрыть участников побега остались бесплодными.

2.

До тех пор, пока революционное движение шло в гору — среди боевиков царила дисциплина; своеволие, самочинные действия были крайне редки. С наступлением же реакции и упад-

ком массового рабочего движения боевая организация начала постепенно деморализоваться.

Конец 1906 г. характеризуется тем, что партийные комитеты постепенно теряют руководство над отдельными боевыми дружинами. В частности, в Вильно после того, как комитет решил, основываясь на резолюции Стокгольмского Об'единительного с'езда Р. С.-Д. Р. П., прекратить экспроприации, часть боевиков не сдала оружие и, совместно с анархистами, занялась частными эксами.

Боевая дружина в 1906 г. насчитывала уже всего около 20 человек, почти исключительно рабочих. Некоторые из них принимали участие и в общепартийной работе. (Например, тов. Альтер-Юрдзик). До конца лета начальником боевой дружины был тов. «Моисей», профессиональный революционер-интеллигент. Участвовали в работе Софья Исаковна Кренгель и Саша Пахман (член Виленского Комитета, ведал нелегальной типографией, складами литературы и оружия).

Склад оружия находился «на хранении» сторожа одной из виленских еврейских религиозных школ («Талмуд-Тор»). Сторож, изрядный реакционер, не был посвящен в «тайну своей квартиры». Знала об этом лишь его дочь (жена тов. Павла Голубовича). Оружия в складе было немного, — всего около 25 штук браунингов, наганов и смит-вессонов с соответствующим количеством патронов. Хранилось оружие также и у чиновника казначейства— Афанасия Александровича Тиминского.

Стрельбе и маневрам боевая дружина обучалась в лесах возле города.

В конце лета 1906 г. в местной партийной организации произошел большой провал. Полицией была накрыта комитетская явочная карточка (Кисин переулок). Там были арестованы «Саша Пахман», начальник боевой дружины «Моисей» и ряд других работников. Полиция, видимо, ожидала сопротивления и потому окружила дом ротой солдат. После провала во главе боевой организации встал «Ксендз» (Гайковский, провокатор).

В это время боевая дружина наметила экспроприацию оружия из артиллерийских складов (на Антокольской улице). Было решено обезоружить караул, ворваться в склады и взять оружия столько, сколько только будет можно.

Боевики надели на себя мешки, в которые должно было быть уложено оружие. Было решено, что один из членов дружины доставит экспроприированное оружие на квартиру Ревекки Кац, а «Соня» переправит его оттуда в надежное место. Однако, попытка кончилась неудачей.

Главная работа боевиков во все годы заключалась помимо вышеуказанных мною примеров еще в планомерном систематическом ограблении ряда волостных правлений. Виленский Комитет снабжал почти всю нелегальную Россию паспортами и печатями.

Весной 1907 г. была совершена экспроприация в мещанской управе (местечко Кепишки). Были взяты паспорта и печати. В последней экспроприации участвовали Соня Крейнгель, рабочий Гриша Фонарев, путиловец — «Егор» и др. В числе ехавших на экспроприацию был и тогдашний начальник боевой дружины Гайковский. Решили связать и арестовать сторожей. Боевики засели в лесу и выслали разведку. Вечером, после закрытия мещанской управы, была совершена экспроприация.

В 1907 г. боевиками были произведены отдельные террористические акты; так, например, рабочие «Егор» и «Васька» убили шпиона и городового. К ним примкнул некто «Сильвестр», оказавшийся впоследствии провокатором. В конце 1907 г. «Егор» и «Васька» уехали в Петербург, где встретились на одной квартире с «Сильвестром». Вскоре после ухода «Сильвестра», в квартиру ворвалась полиция и арестовала «Егора». Он был привезен в Вильно, где и казнен в начале 1908 г. Вскоре же был арестован и «Васька» и тоже казнен.

К этому же времени боевая дружина совершенно прекратила свое существование. Склад оружия «затерялся» неизвестно где...

И. Юренев.

(Окончание следует.)

Приложение № 1.

(1903 г.).

1) «Ревекка» — Эсфирь Александровна Сольц, интеллигентка, окончила виленскую гимназию; в дни юности под впечатлением еврейских погромов увлекалась сионизмом, однако, скоро изжила националистические симпатии и стала марксистской (конец 90-х г.г.).

Активную работу начала с 1903 г. Была бессменным секретарем и членом «Виленской группы», а позже виленского комитета Р. С.-Д. Р. П. Организовала нелегальную типографию Виленской группы. Руководила работой по транспорту через границу людей, оружия, литературы. Первый раз была арестована в Вильне в 1903 г., просидела 2 месяца и была освобождена «под залог».

Летом 1906 г. уехала в Петербург, где вошла в военно-револ. организацию Р. С.-Д.-Р. П. (б-ков). Заведывала нелегальной типографией, в коей издавался военный журнал «Казарма»; входила в центр военной организации, ведала распределением литературы, явками. В июле 1906 г. была арестована с группой товарищей на конспир. квартире. При ней было найдено много листков к казакам и деньги; конспиративные же адреса ей удалось спасти.

Обыск был связан с арестом типографии партии с.-р. По этому делу получила 2 года ссылки в Сибирь, где продолжала парт. работу. В частности, ставила типографию для «Тюменского Рабочего».

В 1910 г. эмигрировала за границу; в 1911 г. снова вернулась в Россию, работала в Петербурге, в конце 1912 г. была арестована и отправлена в Сибирь в администрат. ссылку на 2 года. В мае 1914 г. приехала в Москву, где снова вступила в нелегальную работу.

2) «Сова» — Рульковский, рабочий-кожевник; вошел в револ. движение в начале 90-х годов.

Был вместе с Соколовским, М. Козловским и «Окулярником» членом литовской социал-демократич. партии, с каковою порвал один из первых. Причиной разрыва было несогласие с культивированием польско-литовского национализма. В 1896 г., выйдя из литовской с.-д. партии, вошел в так называемый «Союз рабочих» (организатором его был тов. «Окулярник», настоящая фамилия — Трусевич, в России известен был, как Залевский, умер в 1918 г.); руководил всеобщей наступательной стачкой кожевников Вильны. Рабочие требовали увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня. Стачка продолжалась около 3 месяцев и закончилась победой рабочих.

Вскоре после того Союз был разгромлен арестами. В числе других арестованных был и «Сова», получивший 5 лет Вост. Сибири (Якутская область). Вернувшись по отбытии ссылки в Вильно (1903), он со всей энергией снова принялся за парт. работу. Был одним из основателей «Виленской группы Р. С.-Д. Р. П.», принимал активнейшее участие в револ. движении 1905 г.; был одним из ответственнейших агитаторов Виленского Комитета и организатором виленского профсоюза кожевников; пользовался в рабочих массах огромным влиянием: виленские фабриканты и заводчики называли его «фабричным инспектором». В 1908 г. был арестован и сослан в Вятскую губ. Отбыв срок ссылки, в 1913 г. вернулся в Вильно и снова вступил в нелегальную работу. В 1917 г. (во время немецкой оккупации) умер от разрыва сердца.

3) Грожан Павел Августович. Сын учителя франц. языка Виленского реального училища. В 1902 г. поступил вольнослушателем в Петерб. университет. Вскоре (янв. 1903 г.) был арестован по делу местной парт. организации; просидел 8 мес., был освобожден до суда и уехал в Вильно. В 1903 г. принял активное участие в образовании «группы».

В 1903 г. был присужден к ссылке в Волог. губ. на 3 года. Пробыл некоторое время в В. Устюге, откуда в 1905 г. бежал. Приехав в Москву, вступил в местную организацию, где работал под кличкой «Иосиф Владимирович». Ведал технически боевой работой Моск. К-та Р. С.-Д. Р. П. 22 октября 1905 г. трагически погиб; проезжая в трамвае в тот момент, когда по улицам проходила «патриотическая» черносотенная манифестация, он был выдан громилам каким-то провокатором, вытащен из трамвая и зверски убит.

4) «Павел» — заграничный студент Илья Герасимович Сиротский — литературный псевдоним «Л. Герасимов». Вошел в партийную работу в начале 900-х г.г. В период 1903—1905 г.г. был большевиком, в 1906 г. стал плехановцем. Кажется, в 1907 г. эмигрировал из России. В 1908 г. умер в эмиграции.

Приложение № 2.

(1904 г.)

1) «Павел» — Голубович, рабочий-кожевник, большевик. Старый революционер и социалист, быв. член литовской с.-д. партии; ответств. агитатор Виленской группы, один из крупнейших организаторов Виленского союза кожевников.

2) «Антон» — Иван Иванович Страшинский. Поручик Уфимского пехотного полка. Его общественное положение обязывало к сугубой конспиративности и потому он не мог принимать и не принимал активного участия. На нем лежала значительная часть всей технической работы Областного Комитета (связь с Ц. К.; явки; заведывание областной типографией и связь с военно-револ. организацией Вилен. комитета). До 1906 г. Страшинский был «внефракционным» с.-д., с 1906 г. стал меньшевиком, а вскоре и совсем ушел из партийной работы.

3) «Валентин» — Николай Николаевич Крестинский. Револ. работу начал в 1902 г., с 1903 г. — социал-демократическую. В Виленскую группу вошел по рекомендации т.т. «Гусарова» и «Антона». Летом 1904 г. был арестован, просидел неск. месяцев в тюрьме, был освобожден под залог, после чего уехал в Петербург, где принял активное участие в студенч. движении.

В феврале 1905 г. был арестован во время попытки пройти в «агитационных целях» на завод «Треугольник». Отсидев неск. месяцев в тюрьме, был освобожден и выслан из Петербурга. Весной 1905 г. приехал в Вильно. (К этому времени уже определился, как большевик.)

В июне 1905 г. был арестован на собрании столяров. Просидел несколько дней; снова был арестован в начале октября на собрании представителей рабочих местных пивоваренных заводов, на котором вырабатывались требования рабочих к хозяевам; при нем были найдены листки. На этот раз просидел в тюрьме до октября. По освобождении продолжал работу в Вильне.

В ноябре был командирован Областным Комитетом в Витебск. В январе 1906 г. был там арестован, сидел до второй половины апреля. По освобождении работал в Ковно до начала августа, когда снова вернулся в Вильно. Вскоре был избран членом Вилен. К-та. Кроме пропаг. и организац. работы, на него еще было возложено руководство местной организацией учащихся. В августе он был арестован на собрании ее комитета, просидел 2 месяца и после освобождения уехал в Петербург, где до марта 1907 г. не принимал участия в работе среди масс и лишь являлся представителем Северо-Западного Областного Комитета при Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

Весною 1907 г. ушел на работу в Василеостр. район, где работал до августа, после чего перешел на работу в профсоюзы (союз металлистов). Активной парт. работы вплоть до 12 г. не вел, лишь поддерживал связи с Петерб. организацией. Работал в «Звезде», позже в «Правде». В 1913 г. активно участвовал в страховой кампании и в организации изд-ва «Прибой». В 1914 г. был арестован и выслан под надзор полиции в Екатеринбург, где активно работал по организации проф. движения и больничных касс.

В сент. 1915 г. участвовал в парт. совещаниях группы уральских работников (Сосновский, Севрук, Иван Мих. Малышев — уралец, расстрелянный чехами в 1918 г. — Герке, Драбкина). В мае 1916 г. был выслан в Кунгур, откуда поддерживал связь с Екатеринб. и Пермской организациями.

4) «Яков» — Илья Максимович Ромм — меньшевик, начал с.-д. работу в 1893 г. Принимал участие в Харьк. нелег. кружках с.-д. интеллигенции. В 1898 г. был арестован в Петербурге по делу группы «Раб. Знамени». Просидев год в Петроп. крепости, был выслан на 3 г. в Иркут. губ., а оттуда за крамольное поведение сослан в Забайкалье, где прожил до 1904 г. В 1904 г. прямо из ссылки приехал в Вильно и вступил в парт. работу. Работал до окт. 1906 г., когда уехал в Петербург. Вскоре совсем отошел от движения. В Виленской парт. организации работал по «транспорту» и вместе с «Антоном» принимал участие в военно-рев. работе.

5) «Негоев» — заграничный студент, позже инженер-электротехник Абрам Гуревич. До 1906 г. был «вне фракций», с 1906 г. определился, как меньшевик. Был особенно ценен потому, что хорошо знал еврейский жаргон и был одним из немногих с.-д. пропагандистов среди еврейского пролетариата. В 1906 г. арестован в Вильне. В 1907 г. эмигрировал за границу. Сейчас вне партии, живет в Витебске, где состоит членом комитета помощи безработным.

6) «Игорь» — Борис Исаакович Гольдман («Б. Горев»). Литератор и пропагандист. В Вильно работал до конца 1905 года. Редактировал издаваемую Северо-Зап. комитетом нелегальную газету «Валька Роботнича».

Вел пропаганд. кружки высшего типа. В 1905 г. уехал в Петербург, где вошел в Петербургское бюро Ц. К. Значительно позднее стал меньшевиком, был членом О. К. и Центр. Комитета меньшевиков. В конце 1919 г. вышел из партии. Ныне стоит близко к Р. К. П. Много работает в качестве лектора и журналиста.

7) «Степан» — Борис Дмитриевич Вигилев. Студент Моск. ун-та, меньшевик. В 1902 г. за участие в так наз. студенч. беспорядках был исключен из ун-та и уехал в Вильно, где, числясь под надзором полиции, принял активнейшее участие вначале в виленской, а потом и в областной парт. работе. Был одним из первых работников виленской «группы». По отзывам всех лиц, знавших его, он был самым талантливым, самым популярным в широких массах оратором. Провалившись в декабре, он уехал из Вильно в Витебск, где был арестован, но удачно бежал из полицейского участка. Был избран делегатом виленской организации на Стокгольмский с'езд Р. С.-Д. Р. П. На с'езде выступал под кличкой «Литвинов». В 1906 г. был арестован. Кажется в 1907 же году уехал в Польшу (Закопане), где и проживал целый ряд лет. После октября 1917 г. будучи в эмиграции, начал определяться, как большевик, а в 1920 г. вошел в Р. К. П.

8) «Семен Беспалый» — Борис Ильич Троцкий, большевик, заграничный студент, позже агроном. В 1903 г. по приезде из-за границы вошел в виленскую группу, активно работал в Вильно вплоть до авг. 1904 г. После летнего провала собрания верхушек с.-д. организации и Бунда уехал на партийную работу в Витебск. В 1905 г. работал в Минске; наездами бывал в Вильно. Сейчас член Р. К. П., работает в качестве Наркома продовольствия Туркестанской Республики.

9) «Фома» — С. З. Розовский — студент Рижского политехнич. училища. Профессион. революционер. Начал свою работу в Прибалтике с 1904 г., переехал в Северо-Зап. край. Работал в Вильно под кличкой «Фома», в Витебске под кличкой «Август». Видный работник — комитетчик. Сейчас член Р. К. П., председатель правления Руд-Металл-Торга.

Приложение № 3.

(1905 г.)

1) «Минай» — Моисей Ильич Фрумкин. Статистик. Вошел в рев. движение в конце 90-х г.г. Впервые привлекался в Петербурге по делу «Раб. Знамени», после отсидки был отправлен в Енис. губ., откуда бежал в Петербург. Через 5 мес. снова арестован. В 1905 г. был в течение неск. месяцев агентом Ц. К.

В 1905 же году начал работать в Витебске. В Вильно приехал в ноябре 1905 г. Являлся фактическим руководителем Виленского и Северо-Зап. Областного Комитетов; был тем, что мы назвали бы сейчас «секретарем». Летом 1906 г. уехал из Вильно в Петербург, где принял активное участие в нелегальной работе. Летом 1906 г., вскоре после Свеаборг. восстания, был арестован вместе с т.т. Менжинским, Зеленским, Брауде, Хариком (хозяин квартиры, где происходило заседание) и др. на заседании Комитета Петерб. военно-рев. организации. Просидел лето 1907 г., когда был освобо-

жден до суда «под залог». Перейдя на нелегальное положение (жил под фамилией Лев Борисович Рубин), под кличкой «Герман» работал в Баку. С 1909 по 1910 г. был агентом Ц. К. В начале 1911 г. провалился в Москве, был «раскрыт», судился по делу 1906 г., получил 4 года каторги. При конфирмации приговора каторга была ему заменена ссылкой на поселение (Канский уезд, Енисейской губ.).

После февральской революции был членом Красноярского Комитета, Сибирского Областного, позже Сибирского Бюро Ц. К. Р. К. П., Юго-восточного (1919 г.). Ныне Замнарком Внешторга.

2) «Саул» — Давид Осипович Гурлянд; меньшевик, активный работник 1905—1906 г.г. В 1905—1906 г.г. служил в управлении Полоцко-Седлецкой ж. д. В 1905 г. был начальником боевой дружины Вилен. Комитета. От партийной жизни давно ушел.

3) «Мирон» (из Витебска) — заграничный студент-химик Исаак Абелин, в 1905 г. б-к, в 1906 г. примиренец, с уклоном к меньшевизму. В 1907 г. эмигрировал в Швейцарию, где и «ушел в науку».

4) «Евгений» — Аким Григорьевич Пальчик. Студент Казан. ун-та. В движении с 1900 г. В феврале 1901 г. был арестован по делу Казанской с.-д. группы. В 1903 г. был отправлен на 3 г. в В. Сибирь. В 1905 г. амнистирован; работал в Вильно до августа 1906 г. Был арестован, получил ссылку, замененную высылкой за границу, где и пробыл до 1914 г. Сейчас член Р. К. П.; заведывает шифротделом Берлинского полпредства С. С. С. Р.

5) «Хана» — талантливая организаторша и агитаторша — по профессии работница, пользовалась большим влиянием среди виленских рабочих. В 1908—1909 г.г. отошла от партии. Сейчас член Р. К. П.

6) «Алексей» — Илья Пушав. Крупный работник, быв. бундовец. С 1903 г. работал в Варшавской военной организации с.-д. В 1905 и 1906 г.г. работал в Двинске и Вильно. Был делегатом Двинской организации на Стокгольмском об'ед. с'езде Р. С.-Д. Р. П.

В 1907 г. был членом Петерб. комитета б-ков. Работал под кличкой «Алексей Никлов». В том же году был арестован и после неск. месяцев тюремной отсидки сослан на 3 года в Арханг. губ. После возвращения из ссылки отошел от партии.

7) «Леон» — Станислав Станиславович Пилявский. Работал в Вильно летом 1905 г. Студент Петр. ун-та — большевик.

Уехав из Вильно, осенью 1905 г. он продолжал работу в Петербурге под кличкой «Фома» (1906—1907 г.г.). После отошел от активной работы. С 1917 г. член Р. К. П., занимал ряд ответств. постов в Петрограде и Москве.

8) «Томаш» — Соколовский. Сын польского помещика, агроном. В 1896 г. вошел в литовскую с.-д. партию. Был членом так наз. межрайонного комитета Л. С.-Д., вел пропаганд. работу среди виленских рабочих. В сент. 1899 г. вместе с частью рабочих — членов виленской организации Л. С.-Д. ушел из партии и примкнул к соц.-демократии Царства Польского и Литвы. Работал в качестве члена виленского комитета последней. После ареста в Варшаве тов. Дзержинского, был вызван туда для замены арестованного. На первом с'езде с.-д. партии (1901 г.) был избран в Ц. К. партии.

В 1905 г. (сент.) покинул Польшу и, приехав в Вильно, вошел в организацию Р. С.-Д. Р. П. Был одним из активнейших работников, пользовался большой популярностью среди рабочих, как талантливый агитатор и пропагандист, был одним из руководящих работников в период событий второй половины 1905 г., с конца декабря был избран членом Виленского, а позже, в 1906 г., Северо-Зап. Обл. Комитетов.

В начале 1907 г. был арестован на улице после выступления на избирательном собрании (шла кампания выборов во II Гос. Думу), в еврейской столовой на Новгородской ул. Освобожденный по глупости пьяного околодочного, «Томаш» уехал в Прибалтику, оттуда в Польшу, где и пробыл до 1912 г. В 1912 г. выслан из Варшавы и уехал в Вильно, где активно работал до 1913 г.

Летом этого года он был арестован, получил 3 года ссылки в Астраханскую губ. Вернувшись из ссылки, вошел в «Петербургскую инициативную группу» меньшевиков, в коей работал до 1917 г.

В декабре 1916 г. я встретился с «Томашем» в Петербурге. «Томаш» тогда работал под фамилией «Владимирова». Моя встреча с ним состоялась на почве начатых между нами («межрайонцами») и Петерб. иниц. группой переговоров о созыве Всероссийской конференции с.-д. интернационалистов. Теперь Томаш — член Р. К. П., один из ее активных работников.

9) «Андрей» — Арон Александрович Сольц. Окончил виленскую гимназию; был студентом Петерб. ун-та; за участие в беспорядках «8 февраля» (1899 г.) был выслан из столицы. В 1901 г. арестован; просидев 7 месяцев, был освобожден под залог. В 1901 г. работал в Вильно вместе с С. О. Цедербаумом («Ежов»). Вскоре оба были арестованы и отвезены в Петербург. Просидев около 8 месяцев, были сосланы в Сибирь, откуда Сольц в 1902 г. бежал.

В Одессе «ставил» нелегальную типографию. Эта его работа окончилась неудачей. Более успешно ставил типографию в Екатеринославе. Это была типография Организац. Комитета по созыву 2-го с'езда Р. С.-Д. Р. П. Однако вскоре типография была арестована (ее провалил провокатор, зубной врач). В том же году был арестован. Просидел в Екатериносл. тюрьме год. За участие в тюремных беспорядках был избит и одет в смирительную рубашку. Вскоре после этого «инцидента» был переслан в Седлецкую тюрьму, где просидел еще целый год.

В 1904 г. судился в Харькове суд. палатой. Получил 3 года крепости с зачетом предв. заключения. В результате этого приговора 1 окт. 1905 г. вышел «на волю». В октябре же приехал в Вильно, где и пробыл, выполняя ответственнейшую работу до июля 1906 г.

Из Вильно, вместе с «Ревеккой», уехал в Петербург, после чего был сослан в Тобольскую губ. на 3 года, судился в 1910 г. и был оправдан.

С 1911 г. работал в Петербурге под фамилией «Кац». Был членом Петерб. К-та (б-ков). Участвовал в предвыборной кампании в III Г. Думу и в страховой кампании.

В 1913 г. был арестован и сослан на 2 года в Чердынский уезд Перм. губ. Через год оттуда бежал; приехал в Москву (незадолго до войны) и сразу же вошел в парт. работу. Им был написан первый листок к солдатам

по поводу войны. Вскоре был снова арестован. Его выдал адвокат Пахман, в квартире коего печатался листок. Пахмана запугала охранка и он оговорил всех, кого только знал. В результате оба судились военно-окружным судом и получили по два года крепости. Отсидев положенный срок частью в Бутырках, частью в Таганской тюрьме, тов. Сольц в 1917 г. снова вошел в партийную работу. Ныне член Ц. К. К.

Приложение № 4.

1) «Кирилл» — Мстислав Степанович Бинасик; в то время студент Юрьевского ун-та, позже помощник прис. поверенного. Участвовал на Стокгольм. Об'ед. с'езде в качестве делегата от Сморгонской организации. С 1908 г. отошел от движения и снова появился на политической арене лишь после февральского переворота 1917 г.

Был одно время председателем военной секции Петрогр. Совета и членом Петр. Исполкома. Позже вошел в Ц. И. К. первого созыва.

После окт. переворота уехал на Дальний Восток. Был председателем «Совета Министров» во Владивостоке, а еще позже министром внутр. дел Дальневосточной Республики. Остался, как и в годы своей работы в Северо-Зап. крае, меньшевиком.

2) «Мефодий» — Шаповалов. Студент Юрьевского ун-та. Работал в Виленской и окружной организации с ноября 1905 года. До этого работал в Гродно. Отбыв 2-годичное заключение в крепости, он вскоре отошел от парт. работы и в 1910 г. эмигрировал в Америку.

3) Луканский Григорий, рабочий-кожевник. По мнению старых партийных работников Северо-Зап. края, Луканский позже стал провокатором. В 1909 г. бежав с поселения, он проживал в Петербурге по паспорту на имя «Григория Мих. Брикалова». Работал на Охтенском пороховом заводе, где сблизился с рабочим «Петром Игнатьевым», который в дальнейшем оказался провокатором, провалившим нелегальную типографию Петербургского К-та б-ков.

В 1911 г. Игнатьев и Г. Кузнецов приходили к Н. Н. Крестинскому и высказывали свои подозрения по поводу «Брикалова», ведшего слишком широкий, явно не по средствам, образ жизни. В конце 1911 г. или в начале 1912 г. Брикалов принял активное участие в легальной работе и, в частности, был на «историческом» собрании на Б. Гребецкой (обсуждался выдвинутый по инициативе петерб. меньшевиков вопрос о создании единой рабочей газеты). Как известно, это собрание не дало почти никаких конкретных результатов; была лишь выбрана комиссия в составе неск. меньшевиков и примиренцев; в эту комиссию вошел и Брикалов.

Вскоре он был арестован, но освобожден. Пытался бежать за границу, был снова арестован и затем все же освобожден. В 1913 г. т. Крестинский, будучи в Вильно, узнал от одного своего знакомого, служившего в тамошней суд. палате, о том, что последняя получила из Петербурга сообщение о «высочайшем» помиловании Луканского.

Приложение № 5.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИЗВЕЩЕНИЕ

об образовании Северо-Западного Комитета [1]).

Северо-Западный край, район деятельности Северо-Западного Комитета характеризуется своеобразными, специфически острыми особенностями, вызвавшими к жизни нашу организацию. На небольшой сравнительно территории сошлись несколько национальностей, пролетариат которых развивался под влиянием разных общественно-психологических моментов.

Порабощенная, угнетенная Польша, задыхающаяся под русским самодержавным режимом, давящим малейшее проявление ее национальной культуры, национальной самостоятельности, дает богатую почву националистическим течениям. Течения эти имели уже свое прошлое, его носители — шляхта и мелкая польская буржуазия—уже разлагались и, как общественная сила, теряли свое значение, когда на историческую сцену впервые выступили молодые побеги польского и литовского пролетариата. Народившийся класс не имел своего учения, своей идеологии и столкнулся с готовыми национал-демократическими учениями умирающего класса. Последний был еще настолько силен, что мог через свою интеллигенцию влиять на общественные течения. Революционная польская интеллигенция естественно стремилась найти опору своим идеалам в этой новой многообещающей, полной силы и бодрости, общественной среде. Она приспособила к ней свое учение, ассимилировалась с ней и в то же время наложила на нее свою печать, свою окраску; не интересы пролетариата в его целом легли в основу, стали краеугольным камнем деятельности Польской Социалистической Партии, а завещанный идеал умирающей шляхты, — устремившей свои взоры в прошедшее.

Польской же Социал-Демократической Партии не удалось до сих пор создать сильную, устойчивую против набегов русской жандармерии, организацию и, в общем, пролетариат польский находится под знаком национал-демократических тенденций.

Иначе сложилось еврейское рабочее движение. Забитая, проникнутая психологией гетто, политически наивная еврейская буржуазия не могла выставить здорового политического лозунга. Средняя и мелкая буржуазия, втиснутая в черту оседлости, разоряемая конкуренцией крупного капитала,

---

[1]) В настоящее время в Сев.-Запад. Ком. входят Виленская группа, Минская, Витебская гр. и Двинская организация. *(Примечание подлинника.)*

не видела вокруг себя ничего, что могло бы ее спасти и ухватилась в отчаянии за сионизм. Не вытекая из реальных классовых интересов, сионизм не способен дать ответа на жгучие запросы и требования жизни. Продукт отчаяния, пережиток давно минувшего, — он заслоняет настоящие насущные интересы, парализует борьбу...

Народившийся в недрах еврейского общества пролетариат, толкаемый логикой исторического развития на путь непосредственной экономической и политической борьбы, не получил в наследство, подобно польскому пролетариату, никаких политических заветов. Еврейская революционная интеллигенция, проникнутая марксизмом, встретила в родном пролетариате необыкновенно восприимчивую и богатую почву для идей социализма, и еврейский рабочий класс начал свою борьбу под флагом социал-демократии.

Общий под'ем оппозиционного и революционного движения в России после темной ночи восьмидесятых годов смягчил чувство отчаяния и безысходности и внес луч света и надежды в умы еврейской буржуазии. Еврейский пролетариат, выступивший в качестве реальной политической силы, в свою очередь, всколыхнул все еврейское общество и дал первый урок здоровой политики своей буржуазии. Сионизм, доведенный до своего логического конца — до авантюризма, критикуемый при свете научного социализма, начал постепенно разлагаться. Революционизированная масса еврейской интеллигенции и полуинтеллигенции хлынула в ряды организаций Бунда, и наплыв этих элементов грозил задушить в своих «народолюбивых» об'ятиях революционное социал-демократическое движение еврейского пролетариата. Перед политическими вожаками Бунда предстала многосложная и трудная задача. Они с ней не справились. Практицизм бундовцев сыграл с ними злую шутку. В своем стремлении всосать в свою организацию все оппозиционные элементы еврейства, борясь с сионистскими и националистическими элемен ментами, — Бунд проникался их духом и настроением и шаг за шагом притуплял остроту социал-демократических принципов, суживал широту теоретических положений марксизма. Национал-демократические элементы широкой струей влились в среду еврейского рабочего движения, придали ему свой характер, окрасили его в свой цвет и сейчас в теоретических обоснованиях и аргументациях вожаков Бунда, в их защите своих национальных и федеративных вожделений происходит смешение национал-демократической и социал-демократической логики, их десница не ведает, что делает их шуйца. Свое первородство, чистоту своих социал-демократических принципов она продала за чечевичную похлебку.

Выступая как Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, мы сознаем всю трудность и сложность нашей задачи. Пролетариату живущих здесь национальностей, приходится бороться в атмосфере, насыщенной национал-демократическими парами, она окружает его своим веянием, вливает в него оппортунистические элементы, придает ему свою печать антагонизма, проводит между пролетариатами разных национальностей, борющихся против одного общего политического режима, борозду.

Выход Бунда из партии не был случайным; он был подготовлен всем его предыдущим развитием. Остатки экономических тенденций и наслоения националистических течений, проникших в последние годы в Бунд вместе

с примесью организационного патриотизма, послужили причиною этому печальному факту. Партия, не успев своей критикой убедить бундовцев ко времени второго с'езда отрешиться от несоциал-демократических тенденций, не в состоянии была на самом с'езде удержать Бунд от рокового шага, которым он разорвал организационную связь между русским и еврейским пролетариатом. С'езд после обсуждения и принятия [вместе с делегатами от Бунда] партийной программы не мог не поставить в первую голову, приступая к организационному вопросу, вопрос об отношении Бунда к партии. Ввиду выработанного на пятом с'езде Бунда проекта федеративной организации мог ли партийный с'езд допустить, не нарушая примитивной логики, чтобы организация, решающая автономно свой внутренний распорядок, имела свой голос в обсуждении внутреннего распорядка другой организации, с которой она желает вступить [1]) только на федеративных началах.

Задачи революционной социал-демократии — обострять и углублять классовые противоречия современного общества, бороться против всего, что затемняет классовое самосознание пролетариата, вносит чуждую ему идеологию. Наша задача вскрыть перед лицом живущего здесь пролетариата социал-демократической критикой чуждые ему националистические тенденции и тем самым очистить рабочую организацию от прилипших к ней посторонних элементов, подчеркивая и указывая на необходимость самого тесного об'единения в единую политическую пролетарскую партию, только она одна могла дать наивысшую форму развития классового самосознания.

Революционная социал-демократия знает одну форму борьбы — борьбу классовую. Только эта последняя определяет интересы пролетариата в его целом, и в самом развитии она несет эманципацию, ведет к уничтожению национального гнета во всех его проявлениях, к защите культуры, к прогрессу.

В интересный исторический момент выступает наш Комитет. Авантюристическая политика русского самодержавия привела его помимо его воли к опасной ставке, и оно готово свалиться под тяжестью своего собственного преступления. Уже близок час, когда ему придется расплатиться за все свои грехи.

Только дружными об'единенными усилиями пролетариат может получить максимум того, что ему может дать грядущая революция, и мы призываем сознательные социал-демократические элементы тесными, сомкнутыми рядами стать под знамя Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Северо-Западный Комитет
Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии.

Типография Северо-Западного Комитета.

[Настоящий листок перепечатывается с оригинала, хранящегося в архиве Истпарта.]

Май 1904 года.

---

[1]) Пропущено: в связь. *Прим. ред.*

Приложение № 6.

Отчет о партийной деятельности в Северо-Западном крае.

...Еще задолго до [2-го] с'езда нашей партии, когда в самом разгаре была полемика с Бундом, в среде последнего явились отдельные группы рабочих, недовольных бундовской позицией в национальном и организационном вопросах и составивших глухую оппозицию, при чем главным импульсом недовольства являлся организационный вопрос; такая оппозиция существовала в Минске, Вильне и целом ряде маленьких городков, наконец, отдельные более сознательные оппозиционеры открыто становились противниками бундовской политики и, оставаясь в организации, вели полемику, защищая партийную точку зрения; таким образом в общих чертах обстояло дело в среде еврейского пролетариата в момент выступления партийных групп в нашем крае. Что касается пролетариата других национальностей, то дело обстояло несколько иначе: последний был организован лишь в Вильне и Сморгони, не считая отдельных попыток работать среди христианского пролетариата в Двинске, Витебске и Минске. Среди польского пролетариата в Вильне велась работа главным образом П. П. С.; литовцы и П. С.-Д. имели очень слабые связи.

Когда Бунд вышел из партии и полный разрыв стал достоянием действительности, отдельные революционеры в данном крае, примыкавшие, по своим взглядам, к партии, но работавшие здесь в других организациях или общепартийных группах, об'единившись с вышеупомянутыми элементами Бунда, выступившими из него после с'езда, как было в Минске и Вильне, а местами просто начавшие работать отдельно, заводя связи в рабочей среде (так было в Двинске и других местах), основали группы партии. Перед партийными группами стояла серьезная и трудная задача: во-первых, вести социал-демократическую работу, осложняемую национальной рознью, которая п и т а е т с я, главным образом, руссификаторской политикой правительства и исключительным положением евреев, и, во-вторых, бороться против тех националистических и сепаратистских тенденций, которые всегда отличали П. П. С. и с т а л и отличительными признаками последних лет деятельности Бунда.

Первоначальная деятельность групп свелась к кружковой работе, стремившейся выработать сознательную рабочую базу дальнейшей деятельности. И по мере того, как эта работа начинала развиваться вширь, сделалась необходимой агитационная литература местного и общеполитического характера, а также широкая массовая устная агитация. Все эти требования, как и общепартийная политика, не могли быть возложены на неокрепшие еще группы, ввиду чего, после более чем полугодовой работы, образовался Северо-Западный Комитет...

Стремясь избегнуть ошибки «старых» революционеров данного края, Северо-Западный Комитет, всецело стоя на точке зрения партии в национальном и организационном вопросах, с первых шагов своей деятельности решил направить работу в среду рабочих в с е х н а ц и о н а л ь н о с т е й, стараясь основаться в мало-затронутой христианской массе и особенное внимание отдавая работе среди фабрично-заводских рабочих.

Район Северо-Западного Комитета сильно расширился и в данный момент в его состав входят следующие группы и организации:

В и л е н с к а я г р у п п а — 120 орг. раб., сверх того около 200 — 250 читающих литературу. В состав ее входит С м о р г о н с к а я р а б о ч а я о р г а н и з а ц и я — 175 орг. раб.

М и н с к а я г р у п п а — 150 орг. раб., более 200 чит. лит. В состав ее входит Б о б р у й с к а я г р у п п а — 75 орг. раб.

В и т е б с к а я г р у п п а — 180 организованных рабочих, около 150 читающих литературу. В состав ее входит: К р е с т ь я н с к а я с о ц и а л-д е м о к р а т и ч е с к а я о р г а н и з а ц и я — 75 орг. крестьян, более 200 читающих литер., Н е в е л ь с к а я р а б о ч а я о р г а н и з а ц и я — 35 орг. раб., В е л и ж с к а я р а б о ч а я о р г а н и з а ц и я — 25 орг. раб., Д в и н с к а я г р у п п а — 25 орг. раб., С о л о к с к а я о р г а н и з а ц и я — 60 орг. раб. Кроме того, комитет имеет связи в Ковне, Борисове, Полоцке, Слуцке и других городах.

Из общего числа 970 орг. раб. и крестьян, еврейских рабочих—575 чел. русских, польских и латышских — 320 ч., русских крестьян — 75 ч.

[«И с к р а», от 20 ноября 1904 г., № 78.]

Приложение № 7.

Резолюция Ц. К. относительно Виленской группы.

Виленская группа приняла следующее постановление: «Принимая во внимание: 1) что после нарушения устава 2-го с'езда, нарушения, выразившегося в том, что 3-й с'езд созывался не Советом Партии, — для законности с'езда необходимо было присутствие организаций, имеющих право на $^{3}/_{4}$ полноправных голосов, как это и признано § 7 договора Б. К. Б. с Ц. К., 2) что этих необходимых для законности $^{3}/_{4}$ голосов с'езд за себя не имел, — Вилен. группа не может признать 3-й с'езд законным с формальной стороны. Принято 3 голосами при 1 воздержавшемся. При сложности вопросов и запутанности отношений, царящих в партии, Виленская группа не считает возможным в настоящее время примкнуть или не примкнуть к с'езду, но желает стать к выбранному 3 с'ездом Ц. К. в фактические отношения, определяемые каким-нибудь особым договором. 5 июня 1905 г.».

Ознакомившись с резолюцией Виленской группы от 5 июня 1905 г., Ц. К. постановил, — что, хотя Виленская группа и не заняла еще определенной позиции по отношению к III с'езду, но так как ею выражено желание поддерживать деловые отношения с избранным на III партийном с'езде Центральным Комитетом, то Ц. К., считая формально недопустимым вступать в особый договор с местной организацией, будет оказывать Виленской группе впредь до окончательного выяснения ее позиции такое содействие, какое он оказывает всем партийным организациям.

[«Пролетарий», № 10, Женева, 2 августа (20 июля) 1905 г.]

Приложение 8.

Резолюции Виленской конференции.

В средине января состоялась конференция из представителей групп, работающих в Виленском районе. На конференции были представлены: Сморгонская, Свенцянская и Гродненская группы. Для отчета о деятельности в Ошмянах был приглашен работавший там товарищ Л., сведения которого были пополнены Сморгонским делегатом. На последнее заседание явился делегат от Лидской организации.

Резолюции: I. Признавая, что наилучшей формой организации пролетариата является организация, построенная по принципу демократического централизма, конференция высказывается за прямые выборы во все местные руководящие центры, но допускает отступления от выборного начала в тех случаях, когда местные условия мешают его проведению.

II. Об Окружной организации и об отношении к Виленскому Комитету.

1) Окружная организация при В. К. об'единяет все группы Виленского района; 2) Окружная организация технически обслуживает все группы; 3) группы самостоятельны во всех вопросах внутренней жизни; 4) при активных выступлениях общеполитического характера группы совещаются с Вил. Коом., но постановления его не обязательны для групп; 5) пред активными выступлениями общеполитического характера устраиваются конференции, решения которых обязательны для групп, 6) группы вносят 10 проц. своих доходов на обслуживание района и оплачивают расходы по изданию литературы.

III. О нашей аграрной программе-минимум.

Конференция находит необходимым, чтобы на ближайшем общепартийном ст'езде была пересмотрена наша аграрная программа-минимум и поставлен вопрос о формах землепользования и землевладения.

IV. О работе в деревне.

Конференция признает, что в настоящий политический момент пред соц.-демократией в деревне стоят следующие задачи: а) организация под знаменем Р. С.-Д. Р. П. всех пролетарских и полупролетарских элементов с целью: 1) отстаивание их классовых интересов и 2) наибольшего революционизирования демократ. элементов в деревне; б) усиление революционного демократического движения в деревне; в) придать стихийному движению в деревне сознательность и организованность, очистив его от реакционных примесей и бунтарских элементов. Для осуществления этих задач конференция считает необходимым: 1) стремиться организовать сельских пролетариев и полупролетариев в самостоятельные соц.-дем. группы; 2) организовать революционные крестьянские комитеты, которые должны являться боевыми организациями революционного крестьянства: а) для расширения

и руководства революционным движением в деревне, вплоть до вооруженного восстания крестьянства, и б) для проведения конфискации монастырских и кабинетских, удельных, частновладельческих и других земель; 3) широко пропагандировать идею революционного самоуправления, подчеркивая, однако, что практическое проведение этой идеи в жизнь должно быть строго организовано и по возможности приноровлено к общему революционному под'ему; 4) выделить из среды существующих организаций более активные силы, образовав местные и центральную крестьянские группы для планомерного проведения всех партийных лозунгов и осуществления поставленных нами задач в деревне; 5) конференция признает, что наилучшим способом коллективного проведения захвата земель и перехода к новым формам землепользования является общественная запашка захваченных земель, которую конференция настоятельно рекомендует как систему, не закрепляющую захваченные земли за отдельными лицами; 6) в целях большей успешности работы в деревнях конференция считает необходимым издание нелегального популярного крестьянского органа. Редакция должна стоять на точке зрения резолюции конференции, но вместе с тем желательно открытие дискуссионного отдела популярного характера.

(«Партийные Известия». № 1, от 7/II, 1906 г.)

Партийная работа в Рижском подполье

(«Русский Культурный Центр» в Риге в 1908 — 1915 г.г.)

ОТ РЕДАКЦИИ.

В помещаемых ниже воспоминаниях трех виднейших участников Русского Культурного Центра в Риге читатели найдут всестороннее, хотя и не исчерпывающее освещение работы этой организации.

Под именем Рус. Культ. Центра (Р.К.Ц) существовала в Риге соц.-дем. организация, которая формально считалась пропагандистской группой из русских членов рижской организации «С.-Д. Партии Латышского Края», была в подчинении Рижскому Комитету последней и имела назначением вести партийную работу среди русских рабочих, не знавших латышского языка. В действительности же, в связи с общим подъемом рабочего движения в России в 1911—1912 гг., Р.К.Ц из пропагандистской группы становится самостоятельной и солидной организацией Р.С.-Д.Р.П., мало связанной с латышской с.-д. партией, которая его породила. Название «центр» — латышский термин для организаций, объединяющих какую-либо одну отрасль работы; известны в Риге названия — ученический центр, пропагандистский центр и др. Авторы воспоминаний не устанавливают точно даты, когда Р.К.Ц начал свое существование. Судя по тому, что тов. П. И. Кушнер вступил в организацию осенью 1908 г., и тогда только латышские с.-д. передали ему свои прежние связи с русскими рабочими, надо полагать, что эта организация явилась на свет в том же 1908 году. Об этом свидетельствует и отчет Ц.К С.-Д. П. Лат. края за 1908 год, помещенный в № 41 «Пролетария», где сообщается, что латышский Ц.К. «несколько раз обращался к Ц.К Р.С.-Д.Р.П. с просьбой прислать русских пропагандистов, но ни одного человека не прислали».

Занятый своей собственной большой и трудной работой среди латышских рабочих и крестьян, латышский Ц.К очень мало уделял бы внимания русской организации, если бы не настойчивые и решительные нападки последней за серьезные меньшевистские уклоны руководителей латышской рабочей массы. Между Р.К.Ц и латышским Ц.К все время были трения. Но то были трения не на почве национального антагонизма или принципиальных разногласий по национальному вопросу, а являлись отражением борьбы, которая имела место во всей Р.С.-Д.Р.П., — борьбы между большевиками и меньшевиками. В латышской с.-д. эта борьба в рассматриваемый период (1908—1915 г.г.) не дала перевеса ни тому, ни другому направлению, а Р.К.Ц сразу получил определенную большевистскую физиономию и потому отстаивал свою самостоятельность, а временами успешно боролся за укрепление большевистской линии и в латышских массах.

Существование отдельной русской организации в Риге вызывалось той же необходимостью, по какой Р.С.-Д.Р.П. признавала автономность национальных объединений рабочих организаций в Польше и Литве. Русские рабочие в Риге, являясь недавними пришлыми поселенцами, без знания местного языка и со значительной отсталостью по сравнению с латышскими рабочими в культурном отношении, тем сильнее нуждались в выделении в особую национальную группу. Даже после 2—3-летнего существования Р.К.Ц — рассказывает тов. А. Пирейко — латышские сознательные рабочие с недоверием смотрели на русских рабочих за их темноту, пьянство и низкий уровень потребностей, позволявший им довольствоваться меньшей заработной платой. То были большею частью выходцы из разоренной русской деревни, впервые втягивавшиеся в водоворот фабричного труда. Но и они у себя в деревне слыхали уже раскаты громов революции 1905 года и болезненно ощущали удары, нанесенные деревне восторжествовавшей реакцией. Достаточно им было непродолжительного общения с закалившимися в борьбе против царизма латышскими рабочими, чтобы быстро поддаться влиянию революционной пропаганды и агитации. Тот же тов. Пирейко констатирует, после 2-летнего своего пребывания в Риге, резкое изменение в отношении латышей к русским рабочим, приобщившимся к забастовкам, массовкам, демонстрациям и успешно перенявшим у латышских товарищей их привычку объединяться в разнообразные культурные товарищества.

Авторы воспоминаний уделяют много внимания работе русских рабочих—«пунктистов» (так назывались административно высланные рабочие за революционную деятельность из столиц и лишенные права проживать в 50 — 60 пунктах—городах и селениях—России; Рига в этот список не входила) и их огромной работе в Р.К.Ц; но они не останавливаются на том влиянии, которое имело на развитие Р.К.Ц латышское рабочее движение, а также латышская с.-д. партия с ее дисциплинированностью и отличной налаженностью аппарата. «Нельзя не признать,— сообщает нам тов. С. Муравейский (Лопухов), активный работник Р.К.Ц в 1911,—13 гг. — что организованное существование Русского Культ. Центра целиком зависело от той или иной степени работы во всей рижской организации. Четкость постановки вопросов латышскими большевиками несомненно способствовала такой же ясности линии работы и РКЦ; организационная техника и дисциплинированность всей организации распространялась и на кружки Р.К.Ц. Месяца 2 активной работы было достаточно, чтобы из расхлябанного русского, приехавшего в Ригу пунктиста сделаться хорошим конспиратором и недурным техником. Вот почему организации Р.К.Ц сохранились и развили свою активную работу, далеко выходящую за пределы узкой кружковщины, развивали деятельную работу в массах, не ликвидируясь ни мерами ликвидаторов, ни мерами полицейского характера, несмотря на то, что деятельность рижского охранного отделения не только не уступала московскому и петербургскому, но в некоторых отношениях и превышала их» (рукоп. восп. С. Муравейского, хранящиеся в Истпарте).

Использование легальных возможностей стало широко применяться Р.К. Центром в 1912 и 1913 г. Между тем еще в июле 1909 года на рижской общегородской конференции принято было следующее постановление относительно деятельности с.-д. в легальных организациях: «....В легальных обществах необходимо организовать особую с.-д. группу, в которую обязаны вступать все с.-д. из членов общества. В группах должны предварительно обсуждаться все вопросы, которые

выдвигаются на очередь в данном обществе, и по ним должно быть достигнуто единение. Решение большинства обязательно для всех членов группы, если это решение утверждено Риж. Комитетом. Группа выбирает свое бюро. Группы нескольких однородных об-в выбирают своих представителей в центр. бюро с.-д. групп однородных обществ». («Пролетарий», № 47».)

Авторы воспоминаний мало касаются нелегальной издательской работы Р.К.Ц. Отчет латышского Ц.К. за 1908 год, помещенный в «Соц.-Демократе» № 2, заключает в себе данные о распространении латышской партией в крае нелегальной литературы на разных языках. Ц.К Латвии за 1908 год издал 6 номеров газеты «Борьба» на русском языке, 5 номеров газеты «Штык» на русском языке в количестве 19 тысяч экземпляров. Воззваний и листовок на латышском — 379 тысяч, русском — 111 т., литовском — 44 т., немецком — 6 т. Нужно, однако, принять во внимание, что цифры тиража преувеличены примерно в 10 раз; газета «Штык» издавалась в колич. не более 5 тыс. экз. (устное сообщение т. Кушнера). Характерно, что латышский Ц.К не допускал Р.К.Ц. к самостоятельной работе по изданию партийной печати и только потребность в выявлении своей большевистской физиономии заставила Р.К.Ц в 1912 году создать собственную, хотя скудную, «технику».

В 1912—1.14 годах, рабочие воспитывались на «Правде», которая однако с трудом и далеко не всегда доходила до Риги, да и в самой Риге иногда конфисковывалась у газетчиков. Р.К.Ц скупал газету, распространял ее, вербовал подписчиков. Периодически в «Правду» посылались корреспонденции о рабочем движении в Риге (сообщение Муравейского).

Отметим также, что в количественном отношении Р.К.Ц. был сравнительно небольшой группой: в начале своего существования он имел 15—20 членов, а в годы расцвета (в 1913—1914 г.г.) число членов не превышало 150 человек.

Р.К.Ц. прекратил свое существование, когда стали эвакуироваться промышленные предприятия Риги. Война изменила социальные группировки в городе, революционное движение в нем на время замерло.

«Русский Культурный Центр» в Риге в 1908—1915 г.г.

I.

Работать в Русском Культурном Центре я начал в 1908 году. После провала всего состава Р. К. Ц. в октябре 1908 г. Рижский Комитет С.-Д. Латышского края подыскивал работников среди русских товарищей и обратился в «Центр учащейся молодежи г. Риги» [1]), где я в то время работал, с предложением выделить товарищей-пропагандистов. На первом собрании Р. К. Ц. я встретил нескольких пропагандистов и организаторов, среди которых только один «Сапог» (кличка рабочего, впоследствии об'явленного провокатором) входил в предыдущий состав Р. К. Ц.

На собрании присутствовали: 1) «Иван» (Р. Франц, умерший в 1919 г. в латышском застенке, студент-политехник), 2) Куринов (конторщик с фабрики Кузнецова), 3) «Марья Петровна» (работница фабрики Кузнецова), 4) «Иван Иванович» (Р. Адно — конторщик лесного склада), 5) «Сапог» (рабочий фабрики «Этна»),

[1]) «Центр учащейся молодежи г. Риги» состоял при Рижском Комитете и об'единял ученические с.-д. кружки в среднеучебных заведениях. Зимой 1908—1909 г. в центре состояли: Я. Фрейман, А. Янсон, П. И. Кушнер, В. В. Ульрих, Лютхус, Рудаев. В 1908 г. он выпустил 3 номера ученической газеты «Товарищ», первые два были гектографированы, 3-й был напечатан в подпольной типографии и по внешности не отличался от легальных газет. Было 5—6 кружков, которые собирались регулярно 3—4 раза в месяц, при чем каждый доклад вызывал оживленный обмен мнений. В 1909 г. учащиеся устроили первомайское собрание за городом и 2—3 общих собрания. С уходом товарищей на чисто партийную работу, число членов организации сократилось. [Рукописные воспоминания тов. В. Ульриха, впоследствии работавшего в Культурном Центре под кличкой «Василий». Ныне тов. Ульрих работает в Верховном Трибунале С. С. С. Р.]

Прим. редакции.